

ЕВГЕНИЙ МЕНЬШЕНИН

ДЕНЬ ДРУГОЙ-
КОШМАР
ВСЕ ТОТ ЖЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Меньшенин

День другой – кошмар все тот же

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68452666

SelfPub; 2022

Аннотация

Захочешь ли ты просыпаться, когда каждое утро начинается с кошмара? У Кати нет выбора, а есть всего лишь 24 часа, чтобы прожить оторванный от прошлого кусок жизни, полный боли, ужаса, страха, обиды и разочарования, чтобы на исходе дня погрузиться в спасительное забытие... и на следующий день начать все сначала. Кошмары бывают не только ночью. Проживите бесконечный кошмар вместе с героиней повести "День другой – кошмар все тот же"!

Содержание

Рецензия от редактора	5
Вступление	7
День другой – кошмар все тот же	15
Часть 1	16
1	16
2	26
3	35
4	45
5	48
6	54
7	57
Часть 2	68
8	68
9	74
10	82
11	84
12	86
13	89
Часть 3	101
14	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Евгений Меньшенин

День другой –

кошмар все тот же

Посвящаю Маше Медведевой.

Твой вклад в мои книги сложно переоценить.

Рецензия от редактора

Я очень рада, что Евгений доверил эту книгу мне для редактуры.

Потому что я смогла прочитать ее первой. Сама себе завижусь.

Жаль, что вы не видели мое лицо, когда я сидела над текстом. Но я думаю, у вас будет такое же. Честно, иной раз закрыть рот не получается, он сам беззвучно кричит: «Да вы что, да как так?!»

Сюжет развивается как тропа – вот вроде вы стоите на опушке леса, зловеще, конечно, но пока еще не так уж страшно... а два шага, то есть две страницы, – и вы на заднице съезжаете в сырой овраг, и вокруг темно, и что там дальше, даже загадывать страшно...

Мне было жутко, хотелось остановить историю и выдохнуть, но уже поздно, остановиться невозможно, надо срочно узнать – так а кто этот старик? А чего юная девушка делает в теле старушки?

А потом вроде бы что-то проясняется, но не тут-то было! Евгений, как заправский ловчий, гонит наше воображение в новую ловушку. Предсказать, что впереди, так хочется, но на то он и триллер, чтобы это было невозможно!

Талантливо. Жестоко. Ярко. Впечатляюще. Непредсказуемо.

Ощущение, что проехался по острым и крутым горкам, набрал в ботинки камней, прохромал до конца, вопя от негодования, ужаса, напряжения.

Но мало мне было всех этих закрученных и вывернутых под нечеловеческим углом поворотов сюжета... Концовка огрела безжалостно.

Доредачив и закрыв файл с книгой, я сидела еще полчаса перед монитором и думала: «Ну, спасибо, Меньшенин, и как теперь спать?» Так хотелось срочно влезть обратно в историю и весь финал переписать. Но, конечно, я этого не сделала. Руки чесались, но я сложила их смиренно, оставляя на волю автора кошмарную судьбу героев.

Таким и должен быть настоящий триллер!

Но кстати, может быть, конец совсем не такой жуткий. Может, вы увидите его совсем иначе. В этом и заключается талант автора – сидите и гадайте: а что случилось дальше?

Если бы кто спросил – Яна, сколько вы поставите звезд этой книге из 10?

Я бы ответила: соответствие жанру «триллер» – 10.

Страшно и местами до холодных мурашек по спине – 10.

Фантазия и повороты сюжета – 100 500.

Живое и осязаемое кожей напряжение – 20.

Надо ли читать – тем, кто любит жуть, однозначно, 10.

Яна Гецеу (она же Юана Фокс), писатель, коуч-психолог по страхам

Вступление

Привет, дорогой друг и читатель. Прежде всего друг. Знаешь, у каждого блогера и медиаличности есть определенное обращение к подписчикам. Стивен Кинг говорит «дорогой читатель» или «постоянный читатель», Лоускилл, который стримит «Доту 2», говорит «здоровя, бандиты», Куплинов говорит «хэ-хэй, с вами Куплинов плей», а Алекс007, мой любимый комментатор в киберспорте, говорит «добрый вечер всем любителям второго „Старкрафта“». Мне кажется, очень важно иметь какое-нибудь прикольное вступление, это ведь как визитная карточка. И вот думал я над этим, думал и так ничего и не придумал, поэтому обращаюсь к тебе, мой любимый читатель, просто – друг. Да, если ты меня читаешь, то ты мой друг или подруга. И я очень рад этому. Рад нашей дружбе.

С выхода последней книги прошло слишком много времени. Прости меня, что я давно ничего тебе не писал. Просто... Просто у меня было очень тяжелое время, как, впрочем, и у каждого из живущих на этой планете. С последней книги много чего произошло: сначала я встретил девушку, которая изменила мою жизнь, потом началась пандемия, которая изменила не только мою, но и жизни миллионов людей, а чьи-то жизни она безжалостно оборвала, и это ужасно. Столько бед обрушилось на головы людей за последние

годы. Помню, как проснулся однажды утром, залез в «Твиттер» и посмотрел видео со взрывом в порту Бейрута. Меня пробрало аж до костей. И я все утро думал о том, каково же оказаться в эпицентре такого взрыва. Это очень страшно.

Страшно.

Это то самое слово, которое звучит у меня постоянно в голове.

Реальность пугает меня до чертиков, до дрожи, до умопомрачения и других штамповых фраз. Реальность пробуждает в моей голове фантазии, которые я переношу на бумагу, потом сшиваю степлером листы в одну большую книгу, которую ты сейчас читаешь. Зачем я это делаю? Дело в том, что в своем страхе я одинок. Правда-правда! Иногда я говорю людям: «Я боюсь, что меня отвергнут, что меня не поймут» или «Я боюсь идти на корпоратив, потому что там будут люди», и в ответ слышу: «Ой, а че ты боишься? Это же не страшно. Да ну ты брось, выдумал че-то». Раньше я только и слышал, что все мои страхи не имеют оснований и что я зря боюсь, а следовательно, я трус и вообще обманываю. Поэтому в жизни я стал редко признаваться людям, что меня пугает. А вот в книгах... В книгах я только об этом и говорю. Я поэтому и начал писать, чтобы наконец-то выговориться, не услышав в ответ, что «это не страшно». В книгах я пытаюсь передать во всех красках, чего конкретно я боюсь и почему это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** страшно. И я просто надеюсь, что ты, мой дорогой друг, поймешь меня, прочитав эти истории,

и сядешь рядом со мной подражать от ужаса, и тогда я уже не буду так одинок. Тогда мне станет легче. Некоторые люди ищут компанию, чтобы вечером посмотреть фильм, кто-то – посидеть в баре и выпить пива, кто-то – свободные уши, чтобы вылить туда все сплетни, собранные и накопленные за месяц, а я ищу компанию, чтобы вместе побояться.

Побоишься со мной?

Хочу сразу расставить все пятна на мухоморе: заглавная повесть не то чтобы ужасы, это скорее триллер. Да, она называется «День другой – кошмар все тот же», и многие могут обмануться названием, подумав, что сейчас тут будет дичь, жесть, резня, кровища и монстры. Нет, не будет. Но кошмар все же будет. У каждого ведь свой кошмар. Да и в конце концов, страшнее реальности ничего не напишешь. Поэтому я и не претендую на то, чтобы напугать вас до чертиков. Но я претендую на то, чтобы рассказать вам о своих кошмарах. А это действительно мой кошмар – один и тот же повторяющийся кошмар изо дня в день – забывать, кто ты есть на самом деле.

Сейчас-сейчас, ты уже подобрался очень близко к рассказам, я займу буквально еще пару минут у тебя, мой друг.

Ты знаешь, вступление и заключение – это особенные для меня части книги. Здесь я могу побыть собой, здесь нет монстров, нет чудовищ и плохих людей, здесь только ты и я. И я делюсь с тобой своими переживаниями. Можешь и ты поделиться, если хочешь. Найди меня в ВК, «Инстаграме»,

«Твиттере», хоть где, в любой соцсети, которая не заблокирована в твоей стране, и напиши мне.

Знаешь, когда я был маленький, я мечтал о том, что когда вырасту, то стану известным писателем ужасов и буду получать письма от поклонников. Я верю, что в какой-то степени моя мечта сбылась. И даже если мои книги пока и не продаются миллионными тиражами, то я уже получаю много сообщений от подписчиков, и это меня радует. И спасибо тебе за это, ведь я знаю, что ты многое сделал для того, чтобы моя мечта осуществилась.

Что же касается детства, то тут надо кое о чем упомянуть. В предыдущих книгах я не раз упоминал одного моего товарища – Рому Мясникова. Он – значимая фигура в моей жизни, он учил меня играть на гитаре, помог мне решиться на удивительное путешествие, пригласил меня во вторую и самую значительную в моей жизни рок-группу «Пантеон», он впервые притащил ко мне приставку Sega и показал Mortal kombat 4: ultimate, он научил меня играть в баскетбол так, что я выступал на соревнованиях, а еще мы брали боксерские перчатки и дрались за домом с Ромой и Костей Косых. Рома был отличным другом. Спасибо тебе, Рома, за все. Жаль, что теперь тебя нет. Как говорится, покойся с миром, друг.

Рома умер осенью две тысячи двадцать первого года, когда я болел короной. Знаете, эта смерть напугала меня. У меня как будто кусочек детства украли, а вместе с ним и кусо-

чек жизни. Я почувствовал себя смертным. Иногда я вслух произношу «Рома умер», как будто убеждаю себя в том, что его больше нет. Мне до сих пор не верится. Огромный Рома, добряк, каких свет не видывал, в его теле вес был прямо пропорционален количеству добра в его сердце. Жаль, что все так вышло. Твое влияние на меня неоценимо.

Как я уже говорил, я переболел короной осенью 2021 года. И редактировал повесть, которая заняла почетное первое место в этом сборнике, в самом начале болезни. А дальше пошло-поехало. Переболел я очень тяжело. Месяц я лежал, практически не вставая. Я вызывал врача на дом. Ко мне приходила молодая девушка-фельдшер с очень уставшими глазами. Я подарил ей одну из своих книг в благодарность за ее помощь. Но больше всех мне в период больничного помогла Маша Медведева, обеспечив меня ежедневной доставкой вкусных и питательных блюд. С учетом того, что я не мог ходить в магазин, стоять у плиты и тем более думать о готовке, такие подарки были для меня как объятия матери – всегда желанны и приносили радость. Благодаря тебе, Маша, я встал на ноги через месяц, а не через полгода, что не так уж далеко от истины.

Ну что ж, вот и подошло время к рассказам ужасов. Честно сказать, я не знаю, в каком жанре пишу, да это и не важно. Я себя отношу к писателям ужасов просто потому, что этот жанр наиболее точно описывает те сцены, которые МОГУТ вам встретиться на странице книги. Но не обязательно

здесь будут ТОЛЬКО ужасы. Я в целом люблю литературу, главное, чтобы она была тревожная (тут я коварно улыбаюсь, как Гринч, который хотел украсть Рождество, ну или как герой актера Джима Карри из фильма «Один дома 2», кому что ближе).

Как обычно, в книге есть заглавная повесть, которая, как планета в космосе моих книжных потуг, притягивает к себе несколько спутников-рассказов поменьше.

Рабочее название этого рассказа было «Амнезия», но впоследствии я понял, что больше ему подходит «Бесконечный кошмар». К сожалению, в гугле будет очень сложно найти такое название, поэтому повесть теперь называется «День другой – кошмар все тот же».

Идея рассказа родилась из моего недуга, который в какой-то момент очень обострился. Дело в том, что прошлое не кажется мне моим прошлым. Да, я помню те события, что произошли, но не задумываюсь о них как о своем прошлом, мне все время кажется, что это был не я и произошло это не со мной. И если меня спросят, что я делал позавчера, я и не подумаю взять в расчет свои воспоминания, потому что там не про меня, и вообще, меня тогда еще не существовало, я существую в настоящем всего лишь один день и больше меня нет нигде. Порой это ощущение сильно напрягает, это как бы отделяет тебя от твоей же жизни, и ты не чувствуешь, что живешь, и кажется, что жизнь просто тебя избегает. В какой-то момент я вспомнил фильм «50 первых поцелуев».

У героини, которую сыграла Дрю Бэрримор, было отклонение, и это очень напомнило мне мой недуг: девушка каждую ночь забывала всю свою жизнь вплоть до одного и того же дня в далеком детстве. Таким образом она всю жизнь проживала одно и то же. Причем отец ее ничего лучше не придумал, чем увезти ее на остров подальше от городской суеты и делать вид, что типа ничего не происходит.

Этот фильм снят в комедийном жанре с чудесным слезливым концом. Я понимаю, что создатели кино хотели показать, что даже травмированные люди, потерявшие память, способны любить, что даже у них может наладиться жизнь, у них есть надежда, и надежда не сдается до конца. Но вот в чем прикол. Мне не кажется эта ситуация чем-то позитивным, ведь наша жизнь – это в основном то, что мы помним о себе. И если мы ничего не помним, то мы как бы и не существуем. По мне, так это ужасно – каждый раз возвращаться в прошлое и осознавать, что ты прожил жизнь, но ты даже не помнишь этого и никогда не вспомнишь, и даже более того – ты так и не узнаешь, что будет дальше – это бесконечный кошмар. Ты как будто находишься в клетке, откуда не выбраться никогда, ты в западне, в ловушке своего мозга и памяти. И это мне кажется ужаснее ужасного. И для меня это не комедия и не романтическая драма, для меня это кошмар, ужас, жуть, триллер и вот это вот все.

Поэтому предлагаю вам заглянуть в мою фантазию и посмотреть на то, как я себе представляю жизнь девушки, ко-

торая каждую ночь забывает все вплоть до одного далекого дня, оставшегося в прошлом.

12.06.2022

г. Москва

День другой – кошмар все тот же

1

Нужно начать терять память, пусть частично и постепенно, чтобы осознать, что из нее состоит наше бытие. Жизнь вне памяти – вообще не жизнь. <...> Память – это осмысленность, разум, чувство, даже действие. Без нее мы ничто...

Луис Бунюэль

Генри: Все будет хорошо, Люс.

Люси: Не говорите «Люс». Я вас едва знаю.

Отец Люси: Родная, он вроде как твой парень.

Фильм «50 первых поцелуев»

¹ Редактор: Яна Гецеу

Часть 1

1

Катя не хотела просыпаться, слишком уютный был сон, но боль становилась нестерпимой, будто в спину воткнули нож: от поясницы до шеи и плеч все горело. Катя перевернулась на бок, потом на другой, но ей никак не удавалось найти хоть сколько-то комфортное положение.

Кто-то рядом захрапел.

Сердце Кати подскочило к горлу. Она распахнула глаза. Веки были тяжелыми, и Катя едва удерживала их открытыми. Мир будто затянуло грязной пленкой, она почти ничего не видела.

Катя с трудом оторвала голову от подушки, протерла глаза, обнаружила себя в незнакомой комнате в предраассветных сумерках и уставилась на лысого мужчину в пижаме, который лежал на спине с открытым ртом и мерно похрапывал.

Катя завизжала:

– Па-а-апа-а-а! Па-а-апа-а-а!

И с ужасом осознала, что голос ее звучит так, будто вчера она сорвала связки на концерте «Агаты Кристи» – хрипло и прерывисто. Она закашлялась, а в легких будто взорвалась граната с гвоздями.

Мужчина открыл глаза и, щурясь, потянулся к плоскому черному прямоугольнику на тумбочке у кровати.

– Ой, кажется, я проспал... Дорогая?

Он взял прямоугольник, что-то нажал, и тот засветился. Мужчина повернулся к Кате.

Совершенно точно, Катя не у себя дома. Кровать была чужая. Пропали плакаты Натальи Орейро и «Агаты Кристи», пропали полки с книгами и стол-раскладушка, пропал уголок с домом для кукол Барби, который она собиралась подарить двоюродной сестре, пропал аудиомagnetофон и коллекция кассет с записями Roxette, No doubt и «Наутилуса». Она была в чужой комнате с огромной кроватью, двумя тумбами и странными черными прямоугольниками, один из которых держал в руках мужчина, а второй, больше раз в сорок, висел на стене напротив кровати.

– Па-а-апа-а-а! – закричала Катя, но снова закашлялась.

– Дорогая, успокойся, пожалуйста, – потянулся к ней мужчина.

Катя завизжала и поползла назад:

– Кто вы? Не трогайте меня! – кричала она.

Кровать внезапно кончилась, и Катя рухнула на пол, ударившись так больно, что в глазах потемнело.

– Дорогая, – услышала она голос мужчины. – Ох, прости меня, сейчас я включу свет.

Спину Кати будто насаживали спицами. Пальцы ломило, голова была тяжелая, а шея каменная.

Кто-то дотронулся до ее плеча.

Когда в глазах прояснилось, Катя увидела, что мужчина потянулся к ней. Она с криком оттолкнула его.

– Кто вы? Что вам надо?

Она не смогла сдержаться и завывала.

– Пожалуйста, не трогайте меня! Пожалуйста! – рыдала она, сидя на полу за кроватью, а мужчина смотрел на нее сверху. Казалось, он растерялся, хватался то за подбородок, то за щеки, переминался с ноги на ногу, то порывался броситься к Кате, то, наоборот, отходил на пару шагов назад.

– Прости меня, дорогая, прости.

Она подняла руки, чтобы не дать ему подойти ближе, и...

Застыла в ужасе.

Сон окончательно улетучился.

Первая мысль, которая пришла ей в голову, была такая: «Как я теперь пойду в кино с Сашкой? Он же убежит, когда меня увидит!»

И только потом: «Что происходит? Что происходит? Что происходит?»

Руки были сморщенные, кожа дряблая, потемневшая, в синяках, пальцы тонкие, старческие, дрожащие. Она поднесла ладони ближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть их, но весь мир был мутным, как под водой. За одну ночь она потеряла зрение, которым так гордилась, потому что могла сидеть на последних партах в классе, успевая записывать задания с доски и писать записки Сашке или шептаться с Надей.

Но теперь она лишилась этой привилегии, впрочем, как и гладких нежных девичьих рук.

Она зарыдала во весь голос, и звук этот напоминал дребезжание пилы.

Мужчина наклонился, протянув руки:

– Дорогая, прости меня, я проспал будильник, я...

Катя совершенно точно могла сказать, что видела его впервые. Но была уверена, что он что-то сделал с ней.

Катя оттолкнула его и закричала сквозь слезы:

– Отвалите от меня! Что вам нужно? Что вы со мной сделали?

Он попытался еще раз поднять ее, но она ударила его в лицо. У мужчины из носа пошла кровь, а у Кати нестерпимо заболела рука. Катя отползла в угол комнаты, подальше от незнакомца, который охал и причитал:

– Это я виноват, это я...

Катя забилась за тумбочку и рыдала. Она смотрела то на свои руки, то на мужчину. Кровь стекала у него по подбородку и капала на пижаму.

Катя задрала рукав ночной рубашки, хотя она предпочитала спать в длинных футболках. Руки были дряблыми. Кожа провисла. Она заглянула под ночную рубашку. В горле что-то пискнуло, будто мышь в последние секунды жизни, когда потянула сыр из мышеловки.

– Мамочки! – вскрикнула Катя и зарыдала еще громче.

От ее молодых, наливающихся грудей не осталось ниче-

го, только висающие пустые мешочки. Кожа стала похожей на кисель. Все тело было в темных пятнах, похожих на синяки.

Катя превратилась в старуху.

Она заметила на левой щиколотке какой-то черный браслет, похожий на часы. Катя еще раз осмотрела руки, грудь, ноги, словно все еще не веря в то, что видит. Она рыдала, скуля и захлебываясь. Горло нестерпимо болело, спина горела, но душа болела сильнее. Такой боли она не испытывала никогда, даже когда Валера Шарипов на третьем свидании сказал ей, что ему нравится другая. Она выла, как волчица, потерявшая детенышей.

Как же теперь она пойдет в кино с Сашкой Бортниковым? Что скажут Надя и Лия, когда увидят ее? Как она теперь пойдет в школу?

Ей пришла в голову мысль, что надо бежать. Пока этот мужчина занят своим носом, пытается остановить кровь, надо бежать, пока не стало еще хуже.

Катя оглядела комнату.

Она сидела в дальнем углу от двери. Путь преграждала кровать. Слева было окно, занавешенное шторами. Из угла Катя не видела, что находилось за окном: на первом они этаже или на десятом? Были ли решетки? Но она точно могла сказать, что на улице было сумрачно. Справа от большого черного прямоугольника, висающего на стене, стоял шкаф для одежды. Мужчина открыл одну дверцу и вытащил с верхней полки коробку, откуда достал вату и затолкал в ноздри.

Катя подумала, что если она прямо сейчас бросится к двери, то успеет добраться туда быстрее, чем мужчина.

Она была уверена в своих силах, ведь на физкультуре она бегала быстрее всех девочек в классе, кроме Женьки Безбодовой, та бегала даже быстрее некоторых парней, настоящая пацанка, жила у железной дороги и все дни проводила на улице, играя с мальчишками. Иногда Катя с подругами посмеивались над ней, не то чтобы со зла, но все же Женька им не нравилась, она была вечно чумазая, за собой не следила, но парни почему-то предпочитали дружить с ней. Это злило Катю и ее подруг. Катя была противоположностью Женьки, красилась, следила за фигурой, предпочитала не налегать на торты, в отличие от Лии. Катя знала не понаслышке, что может сделать с человеком любовь к сладкому. Баба Даша, которая в свои восемьдесят не могла сама подняться с постели, последние годы провела в лежачем положении, ходя в туалет под себя. Катя играла в волейбол, бегала на школьном стадионе по утрам, следила за питанием, и все это ради того, чтобы в одночасье проснуться у какого-то маньяка дома и обнаружить себя превращенной в старуху.

И тут ужасная мысль пришла ей в голову. А что с мамой и папой? Что он сделал с ними?

Тяжелый камень лег на сердце. В груди будто вспыхнул огонь. Она ненавидела мужчину, который стоял перед ней с ватой в носу. Она ненавидела его всей душой!

Он не даст мне убежать, услышала Катя внутренний го-

лос.

Значит, придется сражаться.

Она поискала взглядом что-нибудь, что можно использовать как оружие, и нашла. Под кроватью лежала пыльная сумка, из которой торчала ручка от теннисной ракетки.

Катя выползла из угла, что далось ей с огромным трудом – спина ужасно болела, будто изрезанная и обожженная одновременно, голова раскалывалась, и возникало ощущение, что она вчера весь вечер ползала на коленях по бетону. Она потянулась к ручке от ракетки, при этом поглядывая на мужчину.

Тот наконец закончил возиться с носом, оглядел руки и пижаму. Он был весь в крови.

Катя заметила, что в шкафу висела и мужская, и женская одежда. Чего этот мужчина вообще хотел от нее? Чтобы она жила с ним? Носила платья, которые до этого носила другая девушка, украденная из собственного дома и искусственно состаренная? Как он вообще это проделал, чем накачал, чтобы превратить в старуху? И что случилось с предыдущей «женой»? Или «женами»? Что он с ними сделал? Задушил, а потом распотрошил и съел?

Катя медленно тянула из-под кровати теннисную ракетку, не смотря на нее.

Мужчина вздохнул, выпрямился и, подняв кровавые ладони, сказал:

– Катя, я понимаю, тебе сейчас очень страшно.

Ты и понятия не имеешь, как мне страшно, подумала она.

Катя злилась. Она еще никогда ни на кого так сильно не злилась, как на этого мужчину. Даже когда узнала, что Валера ушел к подруге Вике и что они целовались в церкви, пока она готовилась к докладу по биологии. Даже на Вику она злилась меньше, чем на этого лысого мужика.

Катя однажды читала роман американской писательницы про вампира, который держал в подвале пленниц и высасывал у них кровь вместе с молодостью, пока жертвы не умирали от старости. Вампир при этом молодел. Оказалось, что это вовсе не выдумка, а самая настоящая правда.

– Я понимаю, ты в смятении, – сказал мужчина. – Позволь я тебе все объясню. Клянусь, я тебе не причиню вреда, ты можешь мне доверять.

У него было такое выражение лица, будто он говорит с маленькой девочкой, глаза грустные, легкая улыбка. И чем добрее выглядел мужчина, тем страшнее становилось Кате. И что-то в этой доброте было зловещим. И улыбка казалась издевательской. И что за человек такой, который может так непринужденно и спокойно говорить о безопасности, когда сам собирается наброситься на Катю и выпить остатки жизни?

Он безжалостный зверь. Чудовище. Зло во плоти. Кошмар наяву.

Катя сжала рукоятку ракетки так сильно, что заболели пальцы. Она ждала удобного момента, когда мужчина подой-

дет. Тогда она вложит все силы в удар и постарается выбить ему зубы или даже глаз.

– Послушай, Катя, – сказал он. – Я тебе не желаю зла. Я ведь... Тебе сложно будет поверить, но я твой муж.

На лице Кати отразилось недоумение.

– Что?

– Я твой муж, – повторил он.

Катя замотала головой.

– Нет, нет, нет, – повторяла она. – Что вы такое несете? Вы сумасшедший.

– Катя, послушай, я должен был встать сегодня в пять утра по будильнику, потому что ты всегда просыпаешься в 5:30, но я не слышал будильник, поэтому проснулся позже. Это моя ошибка. Если бы я не проспал, то... То ничего страшного бы не произошло...

Катя мотала головой и шептала:

– Нет-нет-нет, не говорите ничего, не говорите...

– Я понимаю, тебе сложно мне поверить, но есть человек, которому ты точно поверишь. Это ты сама.

– Что?

– Я покажу тебе, – сказал мужчина и направился к большому прямоугольнику на стене. Катя сначала подумала, что это картина, что-то вроде квадрата Малевича, может прямоугольник Малевича, но это оказалась вовсе не картина.

Мужчина нажал что-то на поверхности прямоугольника, и тот ярко вспыхнул. Катя вздрогнула и чуть не вытащила

теннисную ракетку из-под кровати, но вовремя удержалась. Нельзя было показывать оружие раньше времени.

— Это телевизор, — сказал мужчина, увидев недоумение на Катином лице. — Раньше телевизоры были другие, толстые, пузатые, а теперь вот... Такие тонкие.

Катя открыла рот, но не могла ничего сказать. Сердце бухало. Голова кружилась. Она тяжело дышала. Хорошо, что она сидела на полу, а не стояла, иначе бы упала и сломала что-нибудь. Накатила такая тревога, что возникло желание забиться под кровать, свернуться калачиком и никогда не вылезать, пока жажда или тоска не убьют ее.

Слезы текли по щекам. Мысли исчезли. В голове было пусто. А в груди будто сжались тиски.

На экране телевизора появились английские буквы. Мужчина куда-то нажал, и белый шум и помехи превратились в картинку. На экране возникла девушка, которая показалась Кате очень знакомой. Она заговорила, и Катя узнала голос. Тот самый голос, который вызывал у нее смех и одновременно стыд, когда она прослушивала аудиосказку, которую они записывали на магнитофон вместе с Надей, когда ей было двенадцать. Этот голос казался Кате чужим и тогда, и сейчас. Но она знала, что этот голос принадлежал ей.

На экране была она, только лет на пятнадцать старше, чем была вчера, и лет на тридцать младше, чем сегодня.

Катя открыла глаза и огляделась. Она лежала на кровати в помещении, очень похожем на больничную палату, рассчитанную на двух человек. Вторая кровать пустовала. Катя приподнялась и откинула одеяло. Она была одета в белую пижаму. У кровати стояли белые тапочки. Она сунула босые ноги в тапки, встала и осмотрелась.

В палату вошла медсестра.

– Ой, вы уже проснулись. Я сейчас позову вашего отца.

– А где я? – спросила Катя.

– Вы в больнице. Только не волнуйтесь, с вами все хорошо. Сейчас я позову вашего отца и врача. Пожалуйста, никуда не уходите.

– Мне нужно в туалет, – сказала Катя.

– Туалет есть в палате, вон та дверь, – медсестра указала на дверь за ширмой.

Катя обнаружила, что в туалете не было зеркала, как-то это совсем странно. А уже через минуту Катя выскочила из туалета как ошпаренная и бросилась к двери.

В этот момент вошел отец со словами:

– Ты проснулась, моя звездочка? А то я смотрю, что...

Катя упала в его объятия, не дав ему договорить.

– Папа! Папа! Что происходит?

– Доча, я сейчас все объясню, давай присядем.

– Почему я в больнице, папа? И что со мной? Я как будто...
то...

Она отшатнулась и уставилась на него.

– Ты выглядишь... постаревшим и каким-то... маленьким. И у тебя седые волосы, – Катя потянулась к его волосам. – И уставшие глаза.

Он нежно приобнял ее.

– Давай присядем, милая, – сказал он. – Я сейчас все расскажу.

За его спиной появился врач в белом халате.

– Доброе утро, Екатерина, – сказал он. – Как вы себя чувствуете?

– Не очень, – ответила она, совершенно растерянная.

Они подошли к ее постели, папа сел на стул, доктор взял стул у соседней койки и тоже присел, но не так близко, как отец.

– Что случилось? Почему я тут? – спросила Катя.

– Дело в том, – сказал папа, – что... что...

Он почесывал затылок и покусывал губы.

– В общем, ты попала в автокатастрофу, и у тебя... у тебя нарушение...

– Я попала куда?

– Происшествие на дороге.

– Прои... Почему я не помню? И почему, почему мои руки и ноги целы? – она посмотрела на руки, которые казались ей чужими – они были слишком взрослыми для нее. Будто

ей пришили руки ее собственной мамы. Не могут у девочки быть такие руки...

Отец посмотрел на врача.

— У вас амнезия, — сказал врач. — Вы не помните автокатастрофы и последствий и не помните, как вас лечили. Поэтому вы в больнице под нашим наблюдением. Мы проводим тесты, анализы, пытаемся вернуть вам память.

— И сколько я уже тут? — Катя посмотрела сначала на врача, потом на отца.

Папа набрал воздуха в легкие и сказал:

— Около года.

У Кати брови подскочили вверх. Ей как будто залепили пощечину. Она открыла рот, но смогла только выдавить шипящий звук.

Отец взял ее за руку.

— Мне очень жаль, милая.

— Что? — медленно выговорила Катя. — Целый год? — она говорила очень тихо, ее глаза бегали по полу, будто пытались найти там какие-то ответы. — Боже мой! Господи! Так что я... я... пропустила целый год в школе? А как же мне теперь догонять? А как же мои друзья?

— Милая моя, я с тобой. Я тебя не брошу, вместе мы справимся, — сказал отец.

Он сел к ней на кровать и обнял ее.

— Я что... Просто лежала тут целый год? И... И теперь мне надо учиться с младшими? Как будто двоечница какая-то?

– Ну... – протянул отец. – Все не совсем так.

Катя посмотрела отцу в глаза.

Тот отвел взгляд.

– Мне жаль тебе такое сообщать, но тебе было 27 лет, когда ты попала в автокатастрофу...

У нее открылся рот, и она буквально не могла закрыть его обратно, ей не хватало воздуха.

– Не может быть, – прошептала она.

Папа кивнул и поджал губы.

– А... А....

Катя сама не знала, что хотела сказать. Она посмотрела сначала на свои руки, потом на ноги.

– Тут есть зеркало? – спросила она.

Папа достал из кармана маленькое зеркало, будто заранее знал, что она его попросит.

Катя посмотрела на себя, и невыразимый ужас ошпарил ее изнутри. В следующую секунду она разрыдалась и упала на кровать, лицом в подушку.

Отец погладил ее по спине.

Врач посмотрел на часы и сказал, что вернется через десять минут.

Когда Катя немного успокоилась, вернулся врач. Он будто знал, сколько нужно ей времени, чтобы проплакаться. Врач сел на стул и кивнул отцу Кати.

– Доча, звездочка моя, – сказал папа. – Мне нужно тебе еще рассказать кое-что очень неприятное.

– Что уж может быть хуже, – сказала Катя, вытирая слезы белым рукавом.

– Я бы предпочел такое не говорить, но иначе нельзя. Мы очень долго думали с Алексеем Вадимовичем и...

– А кто такой Алексей Вадимович? – спросила Катя.

– Ой, простите, пожалуйста, – сказал врач, – каждый раз забываю. Алексей Вадимович Рыбкин – это я, ваш лечащий врач.

– Катя, – сказала Катя.

– Очень приятно, – улыбнулся он.

– Так вот, – продолжил папа, – мы думали, стоит ли тебе такое рассказывать, все как есть, или лучше делать вид, что ничего серьезного не произошло. Но за год, что ты здесь, мы поняли, что так дальше продолжаться не может.

– Что не может продолжаться? – спросила Катя осторожно.

Папа сжал Катину руку и почувствовал, как она дрожит.

– Мы не можем притворяться, что все нормально. Потому что ничего не нормально, – сказал папа, и по его щеке показались слеза.

– Да что ненормально? – спросила Катя. – Папочка, скажи.

– Дело в том, что...

– Мама умерла? – внезапно спросила Катя и сама вздрогнула от этих слов.

Отец отрицательно помотал головой.

– Нет, с мамой все в порядке, – соврал он, помня о раз-

говоре с врачом, когда они решили, что начинать надо с самого малого. – Мама сейчас на работе, у нее не получилось отпроситься, но она обязательно к тебе приедет, чуть позже. Тут другое дело... Просто... Пожалуйста, Алексей Вадимович, расскажите вы. Я не могу...

Губы отца дрожали. Он едва успевал глотать слезы.

– Вы попали в автокатастрофу, – сказал врач ровным голосом. – Вас привезли в больницу в коме. Когда вы очнулись, вы забыли последние несколько лет жизни. После тестов и анализов у вас диагностировали ретроградную амнезию. О похожих случаях писал Оливер Сакс. Память возвращает вас назад в одно и то же время, сколько бы лет ни прошло. Все, что было после, вы забываете.

Катя слушала все это с нарастающим ужасом. Колочий и острый холод побежал от пяток и кончиков пальцев до самого сердца.

– Последние события хранятся двадцать четыре часа, а потом стираются, и вы возвращаетесь в тот далекий день, когда вам было пятнадцать лет, вы учились в школе в десятом классе.

– И что, разве ничего нельзя сделать? – спросила Катя.

– Мы проводим тесты, энцефалограммы, сканирования. Хорошая новость в том, что у вас нет обширных повреждений мозга. Плохая в том, что мы пока не знаем, как это лечить. Описанные случаи ретроградной амнезии не дают ответов. Люди либо живут так до конца жизни, либо у них па-

мать восстанавливается сама собой. И это дает нам некоторую надежду.

Алексей Вадимович замолчал.

Катя плакала. Отец обнимал ее.

– Я оставляю вас на некоторое время, – сказал Алексей Вадимович. – Мне нужно посетить еще нескольких пациентов. Потом я вернусь.

Он вышел из палаты.

– Вот почему ты такой старенький, – сказала Катя. – А я уж испугалась, вдруг ты чем-нибудь заболел.

– Со мной все хорошо, – сказал папа. – Я не болею, просто очень за тебя переживаю.

– А мама? Как мама?

– С ней все хорошо. Она придет, и ты все у нее сама спросишь.

– Как так получилось? Как я попала в аварию?

– Ты с мужем поехала на рок-концерт. Вечером мы с тобой пообщались по телефону, а через несколько часов мне позвонили из больницы. Как мне рассказали в дорожной службе, водитель такси, на котором вы ехали, не справился с управлением и вылетел на встречу. Это было уже после концерта, судя по времени, около десяти часов вечера. Вы попали под колеса грузовика. Тебя выбросило на обочину, где тебя нашли прохожие. Ты чудом выжила. Мы с мамой сразу приехали в больницу и просидели в коридоре около реанимации всю ночь. Мне было так страшно, я очень боял-

ся, что ты не выживешь. И мама боялась за тебя очень. Но все обошлось. По крайней мере, ты жива.

Когда отец говорил о матери, он становился подозрительно тихим и запинаясь.

– Папа, а я что, была замужем?

– Да, милая, – сказал он и горько улыбнулся.

– А как его звали? Мужа моего? Я его знаю? Ну, в смысле, я его знаю – да, но... я знала его раньше?

– Он вроде бы учился в параллели с тобой, Саша Бортников.

У нее дрогнуло сердце.

– Господи, – простонала Катя. – Мое сердце не выдержит. Она снова заплакала.

– Прости, милая, я не хотел тебе это рассказывать. Но ты каждый раз меня уговариваешь... И каждый раз ты плачешь.

– И сколько раз ты уже все это мне рассказывал?

Отец пожал плечами.

– Много. Я уже сбился со счета.

– Бедненький, – сказала Катя. – И как ты все это выдержишь?

– Ты ведь моя доча. Моя любимая звездочка.

Она обняла его крепко-крепко, так, чтобы передать всю свою горечь, и любовь, и тоску, и нежность.

Тут вошел Алексей Вадимович.

– Ну как вы? – спросил он. – Готовы?

– К чему? – спросила Катя.

– Необходимо заполнить кое-какие тесты на эмоциональную реакцию, – сказал врач. – Это поможет нам в следующий раз более мягко преподнести вам неприятные новости. А еще... Михаил Витальевич?

– Мы кое-что придумали, – сказал папа. – Мы будем делать видеозаписи, где ты будешь рассказывать о том, что с тобой произошло.

– Нам кажется, – сказал Алексей Вадимович, – что если ты будешь слышать историю про амнезию от себя, то тебе будет проще переживать эту трагедию снова. Мы надеемся, что если ты увидишь себя говорящей об этом, то это даст тебе некий сигнал о том, что ты это уже пережила. Это не исключает сильных эмоций, которые ты будешь испытывать, но нам кажется, что это лучший выход, чем если тебе то же самое будет говорить отец.

Отец кивнул. Катя сжала его руку.

– Плюс ко всему, – сказал папа, – жизнь не заканчивается, и у тебя еще впереди много событий, которые стоит сохранить. Ты будешь хозяйка своего прошлого, ты будешь уверена, что оно действительно было, потому что услышишь это от себя. Ведь доверять словам других людей порой так сложно, даже если это твои самые близкие люди. Пусть это будет твой видеодневник, и ключик от него будет только у тебя. Ну что, попробуем?

Двадцатисемилетняя Катя сидела на стуле. Позади нее была белая стена и незашторенное окно. За окном от ветра слегка покачивалась ветка, усыпанная листьями. Девушка зажала между коленей кулаки и трясла одной ступней, будто в такт неслышной ритмичной музыке. Она волновалась. Сначала она смотрела прямо в камеру, но взгляд ее был рассеянным, потом куда-то за пределы экрана, а затем потупилась в пол. Она набрала полную грудь воздуха, подняла голову и сказала:

– Привет.

Она одной рукой помахала в экран. На лице промелькнула грустная улыбка. Под глазами она заметила мешки. Нос слегка покраснел и припух. Видно было, что Катя плакала перед съемками.

– Я – это ты, – сказала Катя с экрана. – Точнее, ты – это я. А это видеодневник, где я буду рассказывать, что со мной происходит... А происходит со мной...

Она закрыла лицо руками.

– Господи, что? Что? – шептала Катя в настоящем. – Я ничего не понимаю... Кто эта женщина в телевизоре? Неужели это... нет-нет-нет-нет, не может быть....

Катя на экране опустила руки. По щекам размазались слезы, лицо пошло красными пятнами.

– Сегодня я проснулась в палате, и я очень перепугалась, потому что...

Экран внезапно потух. И свет под потолком тоже.

Катя с шумом втянула воздух. Последние несколько секунд она смотрела в экран совершенно загипнотизированная, позабыв, что надо дышать. Но когда экран снова превратился в черный прямоугольник, ее отпустило. Она чуть не попала на какую-то уловку, как муха, угодившая в паутину. Говорят, пауки умеют гипнотизировать жертв перед тем, как сожрать. Возможно, то же самое хотели сделать и с ней. Просто Кате повезло, что внезапно потух свет во всем доме.

Мужчина оглядывался, будто причина отключения света таилась где-то в комнате. Он подошел к выключателю, пощелкал, потом посмотрел на Катю. Она наблюдала за ним из укрытия за кроватью.

– Электричество вырубili, – сказал он и пожал плечами. – Очень не вовремя.

Катя попыталась выпрямить спину – плечи и шея затекли. Сидеть, держа в руках ракетку, которая лежала под кроватью, было жутко неудобно. Ей очень хотелось пересесть как-то поудобнее, но больше всего ей хотелось лечь на мягкую кровать и уснуть, чтобы в следующий раз проснуться в своей комнате, обклеенной плакатами любимых групп и с домиком для Барби в углу.

В прошлом году на ее одноклассницу Алену Петрову напали двое мужчин в лесопарке. Она не смогла от них отбиться.

ся. После этой истории в школу приходила работница из соцзащиты и вела лекцию о нападениях на детей. Она рассказывала, как себя вести в экстренных случаях, что можно говорить, что нельзя. Катя с подругой Викторией записалась на месячные курсы боевой подготовки, где их научили давать отпор мерзавцам, а также выдали перцовые баллончики. Вот только баллончик остался в сумке дома, а она, судя по всему, от дома очень далеко. Но навыки защиты от насильников никуда не делись, ведь это было всего год назад, Катя отлично помнила, чем и куда надо бить: коленом между ног и локтем в челюсть. Потом желательно нападавшего скрутить ремнем или рубашкой так, чтобы руки были за спиной, а ноги привязаны к рукам.

– Так, – сказал мужчина. – Кажется, у нас форс-мажор. Я не знаю, как показать тебе видео. Может, на телефоне?

«Господи, что он несет, какое еще видео на телефоне?» – думала Катя.

– Нет, не получится, – сказал он со вздохом разочарования. – У меня нет доступа к твоему облаку.

– Это какой-то бред, я схожу с ума, – шептала Катя, качая головой.

– Ах, точно! – воскликнул мужчина. – Есть ведь еще твой дневник! Сейчас, я только схожу в студию и принесу его. Ты, пожалуйста, не переживай, я сейчас быстро. Я клянусь, что не причиню тебе вреда. Я уже очень давно тебя знаю и могу доказать это. Вот например, твой любимый цвет – желтый.

Ей никогда не нравился желтый, а весь шкаф был завален голубыми футболками и сарафанами.

– Твои любимые цветы – герберы.

Катя впервые о таких слышала.

– Твой любимый фильм – это «Счастливые число Слевина»... Ой, нет, это из новых, а из старых это... «Интервью с вампиром» с Брэдом Питтом, тогда он был очень популярным.

Интересно, а есть девочки, которым не понравился «Интервью с вампиром» и тем более Брэд Питт?

– А в пятом классе ты нарисовала комикс про говорящее облако.

Это было не облако, а овца, подумала Катя.

– Видишь, я тебя очень давно знаю, – сказал мужчина, явно довольный собой. – Ты только дай мне шанс помочь. Я сейчас принесу дневник, в который ты записывала все события. Ты его считаешь и по крайней мере будешь знать, что происходит, – сказал он и вышел.

Из коридора донесся шум шагов, потом что-то упало, что-то загремело. Внезапно до Кати дошло, что сейчас мужчина вернется не с дневником, которого наверняка не существовало, а с оружием или наручниками.

Она осторожно вытянула пыльную ракетку из-под кровати и поднялась с пола. Колени хрустнули. Голова закружилась. Она добралась до кресла, которое стояло в двух шагах, выглянув в окно. Прежде всего ее поразило само окно.

Оно было из странного материала, похожего на пластмассу. Такое белое-белое, идеально чистое, напоминало иллюминатор на космическом корабле. У Кати дома окна были другие, деревянные, их приходилось каждую осень затыкать ватой и оклеивать бумагой, а каждую весну распаковывать, мыть и красить. Сплошная морока. Эти же окна выглядели просто мечтой домохозяйки. За двойными стеклами Катя увидела зеленый двор, маленький аккуратный сарай, обшитый пластиком, около сарая стояла странная машина, похожая на мотороллер, только какой-то очень футуристичный и навороченный. На боку машины была надпись, но Катя не могла разобрать буквы. Двор был огорожен высоким забором.

Решеток на окнах не было. Катя потянула ручку на себя, но окно не открылось.

В соседней комнате что-то грохнуло, и мужчина восторженно крикнул:

– Нашел!

А затем в коридоре раздались шаги.

Катя опустилась в кресло, сунула теннисную ракетку за спину.

Мужчина вошел в комнату. В руках он держал толстую книгу в кожаном переплете.

– Это твой дневник, – сказал он и приподнял книгу, чтобы Катя могла рассмотреть.

Но Катя плохо видела в темноте.

– Это только первый дневник, у тебя их еще несколько.

Но этот просто рассказывает о том, как это все началось. Я бы тебе все сам рассказал, но... Мы это уже проходили. Ты никому не доверяешь, только себе. Вот, возьми, но, если ты не захочешь читать, я могу сам все рассказать.

Он сделал несколько шагов вперед и протянул Кате дневник. Она не поднималась, а просто кивнула на кровать. Одна ее рука была за спиной.

– Положите здесь и отойдите. Не приближайтесь.

– Хорошо.

Он положил тетрадь на уголок кровати и отошел, потом потер руки, прямо как паук.

– Хочешь кофе? Думаю, мы все равно уже не будем спать.

– Я не пью кофе, – сказала Катя, а мысленно добавила: *ты наверняка бы знал это, если бы мы были давно знакомы.*

– Может, чаю? – спросил он. – С зефиром, ванильным, твоим любимым.

Ненавижу зефир, подумала Катя и помотала головой.

Она хорошо помнила слова девушки из соцзащиты: нельзя ничего брать у посторонних и незнакомых мужчин, нельзя садиться к ним в машину и лучше вообще с ними не разговаривать.

– Тут очень темно, – сказал мужчина. – Я сейчас тебе организую свет. Генератор еще не отремонтировали, поэтому будем обходиться без него. Подожди секунду.

Он вышел из комнаты. Снова слышались шуршание и грохот. Катя боялась вставать с места. Лучше она дождетс

когда он вернется со светом, может, тогда он наконец оставит ее в покое.

Через минуту он вернулся со свечой в стакане. Он поставил свечу на тумбочку со своей стороны кровати и сказал:

– Не буду тебя смущать, пойду на кухню. Она прямо по коридору, после туалета и ванной. Приходи, как будешь готова, я приготовлю чай, хорошо, что у нас есть газовая плита, можно готовить без света. Может, что-нибудь захочешь поесть. И кстати, если ты плохо видишь, то возьми очки, они в тумбочке с твоей стороны кровати, – он указал рукой. – Иногда твой чип по утрам дает сбой, и зрение не сразу настраивается. Надо будет с этим обязательно сходить в клинику, где мы ставили эту штуку, но это уже потом, когда тебе будет лучше.

С этими словами он вышел, притворив за собой дверь, оставив Катю наедине с дневником и миллиардом вопросов.

Катя вдруг поняла, как сильно была напряжена. Живот скрутило, да так сильно, что дышать было тяжело. Плечи и шея окаменели.

Катя встала, с трудом держа в руке теннисную ракетку, подошла к тумбочке, взяла свечу, вернулась к креслу и поставила свечу на окно. Она взяла дневник и открыла. Буквы были нечеткими. Все расплывалось, как в воде. Будто какая-то пленка была натянута на глаза.

Катя подошла к тумбочке, потянула ящик и обнаружила футляр с очками.

Катя вернулась к окну, надела очки и заглянула в дневник. Теперь она видела хорошо и даже могла прочитать буквы на форзаце.

Дневник Екатерины Королевой.

И внизу год – 2007.

По рукам пробежала дрожь. До этого года было еще целых 12 лет! Но похоже, для дневника этот год был уже в прошлом, судя по цвету бумаги и затертым уголкам.

У Кати закружилась голова. Она упала в кресло.

– Господи, да что это за херня такая, – сказала Катя. – Какого хрена я старая, а мужик говорит, что давно знает меня? Какого хрена он сует мне дневник из две тыщи седьмого года, который еще не наступил!

Она перелистнула страницу. Далее начинались записи синей гелевой ручкой, все буквы были аккуратно выведены, практически без наклона. Похоже на ее почерк. Катя нашла букву «т», единственную, которую она писала не по прописям, и обнаружила, что буква была точно такая же, как у нее. Ну и что, это ничего не значит, маньяку ее не обмануть!

Катя не стала читать записи. Сначала она хотела выбраться из этого дома.

Она положила дневник на кресло, подошла к двери и прислушалась. На кухне что-то шумело и шипело, иногда раздавался звон посуды.

Катя поискала на двери задвижку или шпингалет, но ничего не нашла.

Она открыла дверцы шкафа, присмотрелась к одежде, боковым зрением уловила какое-то движение и повернула голову направо.

На нее пялилась женщина из фильма «Зловещие мертвецы», который они с одноклассницей Надей Марковой однажды посмотрели на видеоманитоне, пока Надины родители были на работе. Катя после этого несколько дней не могла спать, ей снилась мертвая женщина. А теперь эта женщина смотрела на нее из двери шкафа: под глазами темные пятна, кожа сморщенная, будто она пролежала в могиле несколько лет, ночная рубашка на два размера больше висела как на вешалке, волосы всклокочены и торчат в разные стороны.

Катя отшатнулась и открыла рот, чтобы закричать. Но вовремя сообразила, что это ее отражение в зеркале.

Катя сняла очки, потерла глаза ладонью, снова надела очки. В зеркале была все та же страшная ведьма.

Катя оттянула щеки, повернула голову направо, налево, оскалилась, сморщила лоб, потом схватила свечу и подошла вплотную к зеркалу.

Я старая, я умираю, думала она. Он высосал меня досуха. О боже! Он высосал меня досуха!

Хотелось ударить зеркало, чтобы оно рассыпалось и это лицо рассыпалось вместе с ним.

Внезапно накатило желание спалить весь этот дом. Бросить свечу в одежду, и пусть все сгорит к чертям собачьим. Она представила, как одежда в шкафу полыхнет и пламя пе-

рекинется из шкафа на ковер и обои. Ей понравилась эта картина.

Хотя порыв был очень сильным, она сдержалась. В глубине сознания билась надежда, что вся эта ситуация объяснима, что не нужно торопиться. Да, она не понимала, что происходит, почему она старая, почему спит с этим мужчиной в одной постели, где ее родители и что это за девочка, очень на нее похожая, была в телевизоре, а еще почему старый дневник датирован будущим 2007 годом, но она надеялась, что все прояснится, когда она прочитает записи.

Она села на кровать и уставилась в одну точку, держа стакан со свечой в руках.

Внутри будто что-то сломалось. Она не чувствовала ничего, ни страха, ни горя. Никогда раньше такого с ней не было.

Она протянула руку, взяла дневник и уставилась на обложку.

Ее дневник? Это же смешно. Ничего общего эта тетрадь с ней не имела. Даже если все записанное здесь и произошло когда-то, то все равно это было не с ней.

Не с ней!

Катя вчера легла спать, думая о свидании с Сашей в кино, представляла, как они будут сидеть в зале, от него будет приятно пахнуть туалетной водой, которую подарил ему отец на день рождения, она будет в синем платье, в середине фильма он накроет ее руку своей ладонью, а она прижмется к нему плечом, впитывая его тепло. Это был бы очень хоро-

ший день. Но вместо этого у нее кошмар со стариками. И если даже в дневнике было описано, как она сходила на свидание с Сашей, то это всего лишь описание жизни какой-то другой девочки. Это не ее жизнь.

Она продолжала смотреть на обложку дневника, когда услышала голос. Мужчина на кухне разговаривал.

Катя встала, подошла к двери, приоткрыла ее и прислушалась.

– Она проснулась раньше... Сегодня не получилось... Да... Занимаюсь этим... Кто-то может приехать?

Катя медленно закрыла дверь. Она не знала, с кем он говорил, с кем-то в доме или по телефону, но у нее было очень неприятное предчувствие. Кого он спрашивает о «приехать», их там что, целая банда?

Нужно срочно бежать отсюда.

4

Катя схватила первые попавшиеся брюки в шкафу, натянула на сморщенные худые ноги. Браслет на ноге мешал, и Катя даже попыталась его снять, но у него был очень странный ремешок, и она не нашла, как он расстегивается. Она решила разобраться с этим позже. Катя взяла джемпер, кажется мужской, надела поверх ночной рубашки. Открыла третью дверцу шкафа, торопливо выдвинула ящик, второй, третий, и наконец нашла носки. В самом нижнем ящике обна-

ружила черные лакированные ботинки. Тоже мужские. Плевать. Размер оказался чуть больше, чем у нее, но главное, что они не жали. Значит, можно бежать быстро, а больше ей сейчас ничего не надо.

Она поставила свечу на подоконник, подвинула кресло к окну и потянула ручку. Окно не открывалось. У Кати мелькнула мысль, что из этого ничего не выйдет, но в следующую секунду она повернула ручку вправо, и окно распахнулось. В комнату ворвался влажный утренний воздух. Пахло травой, летом, росой и свободой. Огонь свечи дрогнул, но не погас.

Катя схватила дневник и теннисную ракетку, забралась на кресло, потом на подоконник. Колени хрустели. Каждое движение давалось с трудом.

Раньше прыжок с первого этажа не казался ей столь опасным. Но сейчас она не знала, как на это отреагирует ее новое тело.

Пока Катя вертелась на подоконнике, она задела ногой стакан со свечой, тот завалился на бок, и свеча упала на штору. Штора вспыхнула.

Катя неуклюже выпрыгнула из окна. Одна нога подвернулась, и Катя грохнулась на мокрую траву, вскрикнув от боли. Дневник выпал из рук, очки соскочили, и мир слегка помутнел, но кажется, видеть она стала намного лучше. Теннисную ракетку Катя удержала.

Она попыталась подняться, но нога превратилась в пыла-

ющую головешку, воткнутую в ее таз. Катя нашарила очки в траве, нацепила на нос, схватила дневник и обернулась к окну, надеясь, что не увидит там разъяренного лица похитителя.

Из окна шел дым. Мужчины не было.

Штаны и джемпер Кати промокли от росы. Катя поползла до сарая, отворила дверцу. Внутри были садовые инструменты. Катя увидела комплект лыж, схватила лыжную палку, оперлась на нее и, держась за шершавую стену сарая, поднялась на ноги. Ракетку она бросила, лыжная палка была более существенным оружием – ей можно было выбить глаз или вообще заколоть врага до смерти.

Катя держала дневник под мышкой. Она ковыляла к воротам, обогнув дом, и на секунду остановилась, чтобы осмотреть двор. Он оказался огромным. Вся площадь была покрыта газоном. Несколько дорожек, выложенных камнем, вели от ворот к большому дому и еще к одному маленькому в глубине двора. Основной дом был сделан из кирпича, а второй был деревянным. Может, там жили соседи или сторож. А может, это вообще была баня. Катя надеялась, что никогда этого не узнает.

Она подошла к воротам, и в тот момент, когда потянула ручку, услышала сзади крик отчаяния:

– Ка-а-а-а-а-а-а!

Катя не останавливалась, несмотря на боль в ноге. Она бежала по улице, тяжело дыша, обжигая легкие слишком большим потоком воздуха. Она хромала и задыхалась, как больная собака, но упрямо бежала по утреннему сумраку, мимо особняков за высокими изгородями.

Выбегая из дома похитителя, она повернула направо. Ей всегда нравилась правая сторона. А еще она слышала в каком-то фильме, что правило правой стороны рано или поздно выведет из любого лабиринта.

Светало. Просыпались птицы и заводили утренние песни. Странно, но, кажется, стояла середина лета. Деревья оказались зеленые, а утро теплым. Хотя вчера еще была ранняя весна и на улице лежал снег.

Это не самое странное из того, что происходит, подумала Катя.

Она сбилась с бега и пошла, оборачиваясь. За рядом домов поднимался столб дыма. Он становился все чернее. Погони не было. В некоторых домах зажигался свет. Катя думала постучаться в чью-нибудь дверь, но боялась, что люди примут ее за сумасшедшую. Поэтому она ковыляла дальше, не обращая внимания на выглядывающие из окон сонные лица.

Она преодолела быстрым шагом пару сотен метров и до-

бралась до развилки, где снова повернула направо.

Послышались сирены. Наверняка пожарные. Вероятно, пожарная часть находилась где-то неподалеку. Вой сирен быстро приближался.

Нога у Кати ужасно болела. Она ступала очень осторожно, стараясь не переносить на нее вес. Спина и подмышки вспотели. Поясница и шея горели огнем. Голова раскалывалась.

Она уже очень устала, хотя было еще утро.

Вскоре Катя выбежала на очередную развилку. Это была широкая дорога, на противоположной стороне которой находилась автобусная остановка. Катя подошла к ней, заметила цифровое табло с расписанием. «А что, если это все неправда и я еще сплю? – проскочила мысль радостной надежды. – Слишком все как в фантастическом кино, ну не бывает же так...» Сирены пожарных смолкли. Наверное, они приехали к дому по какой-то другой дороге, раз Катя не встретила их.

Из-за угла показался автобус, каких Катя еще никогда в жизни не видела: желтый, красивый, компактный, но при этом вместительный. Что ж, даже если это сон, оставаться в нем никак нельзя. Пусть хоть автобус увезет куда-нибудь...

Катя помолилась, чтобы ей разрешили проехать бесплатно и не выгнали. Она приготовилась рассказывать волнительную историю о том, как ее похитили, заперли в каком-то доме и она понятия не имеет, где она, и кто-то должен проводить ее в милицию.

Автобус остановился. Катя вошла через заднюю дверь.

Внутри все было такое чистое, футуристичное, практически как в мерседесе: кожаные кресла, тонкие телевизоры, показывающие рекламу, открытые люки на крыше автобуса. Катя села у окна справа на одиночное кресло, лыжную палку постаралась убрать из прохода, чтобы она никому не мешала. В салоне кроме нее еще ехали трое пассажиров, все они сидели спиной к ней. Мужчина привалился к окну. Две женщины разговаривали между собой. Никто не обратил на Катю внимания, кроме кондукторши. Женщина в синей спецовке подошла к Кате и протянула ей какой-то аппарат со светящимся экраном. Катя уставилась на него, пораженная и не понимающая, что с этим делать.

– Женщина, оплачивать будем? – спросила кондукторша.

– Понимаете, – начала Катя, – тут такое дело, я попала в неприятную ситуацию, я... Меня... Можно я...

Она не успела закончить вопрос, как кондукторша пристально посмотрела на Катю, а потом сказала:

– Че, опять? Понятно все.

Она махнула рукой, развернулась и пошла к водителю.

Катя застыла с открытым ртом, провожая кондукторшу взглядом. Катя подумала, что сейчас автобус остановится и водитель попросит ее выйти. Кондукторша что-то сказала водителю, тот посмотрел в зеркало заднего вида, а затем отвернулся. Кажется, Катя ему была не интересна.

Тогда Катя немного расслабилась и всмотрелась в пейзаж за окном. Там проплывали дома, все совершенно разные, ка-

кие-то совсем простые, какие-то гигантские, на вид очень дорогие.

Автобус замер на перекрестке. В салоне наступила тишина, и Катя расслышала слова кондукторши:

– Он же оставлял нам номер, на случай, если мы ее опять встретим, позвони-ка...

Загорелся зеленый. Автобус тронулся, двигатель взревел, и голос кондукторши утонул в шуме. Водитель снова посмотрел в зеркало заднего вида на Катю. К этому моменту Катя уже обнаружила, что каким-то чудом она видит намного лучше без очков, поэтому она давно сняла их и держала в руках, вместе с дневником. Водитель достал что-то из кармана и передал кондукторше. Она приложила эту штуку к уху.

Катя все поняла. Это была рация, и кондукторша сейчас сообщала похитителю, что нашла сбежавшую. Возможно, на одной из остановок ее будет поджидать машина с тонированными окнами, как у Надиного бойфренда, где можно спрятать женщину, предварительно связав и заткнув ей рот клепом.

Катя отвернулась к окну, но боковым зрением наблюдала за кондукторшей.

Одна женщина обернулась к Кате, внимательно осмотрела ее, потом с презрением отвернулась. Что-то шепнула сидящей рядом женщине.

Кажется, пора бежать.

Кондукторша отдала рацию водителю. Автобус остано-

вился. Вошли двое мужчин. Катя вскочила и бросилась к выходу. Кондукторша что-то крикнула. Двери закрылись и прижали Катю. Она закричала и рванула вперед. Она буквально выпала на дорогу, содрала локти и колени, ударилась челюстью о каменистую обочину, прикусила язык. И застонала. Рот наполнился железным и мерзким привкусом крови. Падение выбило из глаз, казалось бы, высохшие слезы. Дневник лежал в пыли, а очки вообще куда-то пропали. Но лыжную палку Катя держала крепко.

Кондукторша крикнула:

– Женщина, вам не эта остановка нужна!

Но откуда она знает, какая ей нужна остановка, если Катя сама не знает?

Катя поднялась, схватила дневник и пошла прочь.

Из автобуса выскочила кондукторша и крикнула:

– Женщина, постойте!

Катя не останавливалась.

– Сбежала, – сказала кондукторша, потом повернулась к водителю: – Ну и хрен бы с ней, не наша забота. Поехали.

Двигатель зашумел, и автобус покатиł дальше по дороге. Катя остановилась, обернулась, проводила его взглядом. Сердце в груди трепетало. Сколько же ей еще придется пережить сегодня ужасов? Почему они на нее охотились? Зачем она им? Почему нельзя ее просто отпустить?

Катя хотела заплакать, но слез больше не было. Ужасно хотелось пить. Ужасно хотелось почистить зубы, изо рта нес-

ло, и Катя сама чувствовала эту вонь. А еще она чувствовала, что у нее противно слиплись волосы. Катя хотела в душ, хотела причесаться и стянуть волосы резинкой. Ботинки были очень неудобными, и Катя уже намозолила левую ногу.

Нужно было срочно куда-то спрятаться. Скорее всего, кондукторша по рации уже передала похитителю, где вышла Катя, а тот уже отправляет сюда людей, с кем разговаривал утром по телефону. И они наверняка уже едут.

Катя повернулась в ту сторону, откуда приехала на автобусе, и вздрогнула. По дороге шел мужчина. Катя шагнула на проезжую часть, чтобы перебежать на другую сторону, но тут появилась машина. Катя не стала рисковать и бросилась в другую сторону – в канаву, заросшую высокой травой, слева от дороги. Оказалось, что канава была заполнена водой, и Катя провалилась почти по колено. Ботинки и штаны быстро намокли. Катя сжала зубы, стараясь не закричать от боли, вода оказалась ледяной. Катя выбралась из канавы, опираясь руками о землю, и обернулась. Мужчина прошел мимо, взглянув на нее с пренебрежением, ровно так же, как женщина в автобусе. Машина промчалась по дороге и скрылась за поворотом, куда уехал автобус.

Это была не погоня, это были просто прохожий и просто машина.

Катя засмеялась так громко, что мужчина обернулся и крикнул:

– Бабка, ты совсем поехавшая?

Она подняла средний палец и крикнула:

– Отсоси, Валера!

И снова засмеялась.

Мужчина сплюнул на дорогу, сказал что-то и пошел дальше.

Катя еще долго смеялась, бредя по траве. Ботинки чавкали. Если сейчас она попытается снять их и вылить воду, балансируя на одной здоровой ноге и лыжной палке, то может грохнуться ненароком и что-нибудь сломать. Это был бы номер.

Она свернула в проулок между двумя особняками. Такие красивые дома, как в этом поселке, она видела только в кино про голливудских звезд: двух-, трех-, четырехэтажные, деревянные, кирпичные, со шпильями, гаражами, некоторые со статуями у ворот, дорогие и ухоженные, с окнами в несколько этажей, гербами и флагами. Рядом с некоторыми особняками стояли необычные машины, пузатые, со странными фарами и огромными колесами. На домах и изгородях висели какие-то устройства, похожие на камеры, но очень уж маленькие для того, чтобы быть камерами.

Катя прошла еще несколько развилок, не сворачивая.

6

Мимо проезжали машины. Катя старалась делать вид, что они ее не интересуют, но это было тяжело: машины были та-

кими необычными, что хотелось рассмотреть их со всех сторон.

Некоторые прохожие пристально рассматривали плетущуюся по улице рано утром пожилую женщину с лыжной палкой, тетрадь под мышкой, промокшими ногами по колено, в чавкающих ботинках. Катя невозмутимо ковыляла вперед.

Она встретила женщину преклонного возраста, которая прогуливалась, опираясь на две лыжные палки.

– Погода сегодня отличная, не так ли? – сказала незнакомка приветливо.

Катя молча улыбнулась.

Лицо женщины моментально переменялось. Из приветливого оно стало настороженным.

– С вами все в порядке? – спросила она. – У вас кровь идет.

Женщина показала на Катины содранные колени.

– Да, все хорошо, – сказала Катя. – Я просто упала на дороге. До дома доберусь и переоденусь.

– Нужна помощь?

На секунду Катя представила, как бросится к ней со слезами на глазах и признается, что ее похитили. Но она тут же откинула эти мысли. Пока она не прочитает дневник и не поймет, что происходит, она будет вести себя как ни в чем не бывало.

– Нет, бабушка, спасибо, я сама, – сказала Катя.

Кажется, она сказала что-то лишнее. Женщина осмотрела ее с ног до головы со смесью презрения и пренебрежения и особое внимание уделила ногам Кати. А потом как-то странно улыбнулась, слишком мило и снисходительно, будто глупому пятилетнему ребенку.

– Хорошо, без проблем, – сказала она.

Катя пошла дальше, а женщина так и стояла на тротуаре и смотрела ей вслед. Кате стало не по себе от ее пристального провожающего взгляда. Она прибавила шагу и вскоре скрылась за поворотом.

Скоро она набрела на детскую площадку, которая по размеру могла соревноваться со школьным стадионом. Тут были странные многогранные фигуры, стоящие на сваях, несколько теннисных кортов, волейбольное поле, качели, карусели, горки и огромная паутина из канатов. Пол практически везде был выстлан каким-то мягким материалом, похожим на смесь асфальта и резины. Катя с изумлением смотрела на рай для детишек. Сама вчерашний ребенок, как же она хотела тут побегать, поиграть, поползть по канатам! Но она не чувствовала ног под собой и устало опустилась на скамейку около волейбольной площадки, засыпанной песком. Пока здесь никого не было, Катя могла перевести дух и немного почитать дневник. Но как только появится первая мама с ребенком, ей придется уйти, чтобы не привлекать внимание.

Катя поставила лыжную палку рядом, положила дневник на скамейку, потом медленно, прикусив губу, сняла правый ботинок, а затем мокрый носок. Катя опустила стопу на песок. Теплый... Катя рассматривала ногу. Кажется, та стала еще более сморщенной и бледной, чем раньше. Катя вылила из ботинка мутную воду. Взгляд ее зацепился за непонятное устройство на ноге, которое она не смогла снять в доме. Катя еще раз искала застежку браслета, но так и не нашла. Очевидно, тот, кто повесил эту штуку на нее, не хотел, чтобы она ее сняла.

Это как будто бирка для трупа, подумала Катя, вот только я не умерла.

На одной из граней браслета раз в несколько секунд мигала маленькая красная лампочка. Катя смотрела на нее так долго, что защипало глаза, потом потянулась и нажала на нее. Ничего не произошло. Она провела пальцами по поверхности браслета и нащупала маленькую кнопку сбоку. Нажала на нее.

Высветились цифры «06:41» и «2 км 320 м». Интересно, до чего?

Также на экране было изображение маленькой батарейки, наверное это был заряд. Уровень равнялся 35%.

В голову Кате пришло сравнение с фильмом «Бегущий че-

ловек» с Арнольдом Шварценеггером, там у заключенных тоже были браслеты, только они носили их на шеях, и браслеты эти взрывались, когда заключенные пересекали определенную границу. Может быть, и у Кати был такой браслет? И через два километра рванет?..

Она поежилась.

День уже занимался вовсю. Стало теплее. Наверное, днем будет жара. Катя любила жару и солнце, любила море, гулять в облегающем топе и шортах, подчеркивающих ее фигуру. Последние два года летом на месяц она ездила в Анапу к тете Гале, маминой двоюродной сестре, купалась в море, ела кукурузу, загорала на пляже, ходила по горячему песку голыми пятками, фотографировала на папин пленочный фотоаппарат «Смена-ЗМ» закаты, пустующие дикие пляжи с галькой, искала красивые камни необычной формы.

А на прошлой неделе мама сказала, что этим летом тетя Галя уедет к друзьям на несколько месяцев и Катя может пожить самостоятельно в ее квартире, недалеко от моря. Катя очень обрадовалась, обзвонила всех своих подружек и пригласила их в гости в Анапу на пару недель. Те ей очень позавидовали. Не у всех есть тетя в Анапе. Катя думала предложить Сашке приехать к ней на море. Это было бы волшебное. Можно было бы сидеть вечером на лежаке на пляже, зажечь свечи, есть сладкий арбуз и, может быть, даже выпить чего-нибудь горячительного, чтобы стать посмелее.

Катя улыбалась, представляя, как они с Сашкой целуют-

ся на пляже. Она даже почувствовала на губах вкус его губ. А потом острая боль прострелила поясницу. Катя вскрикнула и выпрямилась. Она по-прежнему сидела на детской площадке. Одинокая, брошенная, похищенная, постаревшая.

Катя сняла второй ботинок и вылила воду.

Она извалаляла мокрые стопы в песке и осторожно счистила его. На левой пятке вздулся пузырь. Катя потыкала его пальцем. Мягкий. Внутри была жидкость.

Катя подумала, какие же у нее теперь тонкие и хрупкие ноги, да еще и все в синяках. Как она вообще могла так безответственно прыгнуть из окна с такими-то ногами? Их же можно сломать в два счета. Что бы она тогда делала?

Она взяла дневник в руки и открыла первую страницу.

16 апреля 2007

Привет, меня зовут Катя Королева. Я – это ты. Год назад я попала в автокатастрофу, из-за травмы головы у меня амнезия. Каждое утро я забываю о том, что произошло вчера. Даже не так: я забываю вообще все вплоть до того дня, когда мне было 15, за день до похода с Сашкой Бортниковым в кино. Вот. Теперь я вынуждена записывать все, что со мной происходит, а происходит, судя по словам папы, много всякого.

Катя подняла глаза от дневника. Она дрожала. Внезапно ей стало так грустно и так плохо, что хотелось разрыдаться.

Внутри что-то рвалось, как старая рубашка, которую тянули за рукава капризные мальчишки. К горлу подступила тошнота.

– О боже, – прошептала Катя, откинувшись на спинку скамейки. – Боже мой. Боже мой.

Она закрыла дневник и долго смотрела в небо.

Над ней проплывали облака. Небо было светло-голубым. Точно таким же, обычным летним небом, оно-то ничуть не изменилось.

Она что, правда забыла всю свою жизнь?

Забыла все, что когда-то произошло. Потеряла навсегда. И это уже не вернуть. В бездне прошлого растворилось свидание с Сашкой, время, проведенное с подругами Надей и Лией. Интересно, а Надя смогла поступить на ветеринара? А Лия открыла свой магазин одежды?

И поступила ли Катя на журналистику в УрГУ?

Она опустила голову и снова открыла дневник. Следующий удар не заставил себя долго ждать:

Я весь день плачу. Папа рассказал, что случилось с мамой. Она умерла. Это произошло буквально несколько месяцев назад. Господи! Это ужасно!

Я бы хотела никогда не знать этого. Но папа никак не мог это от меня скрыть, потому что веду дневник и все равно узнаю это рано или поздно.

Папа плакал вместе со мной. Мне его жалко. Наверное,

ему еще хуже.

– Мама, мамочка, мама! – Катя смотрела на эти слова в дневнике и чувствовала, как из-под нее уходит земля.

Перед глазами возникло мамино улыбающееся лицо, заботливое, как всегда внимательное. Она всегда замечала, когда Катя чем-то расстроена, она всегда знала, как ее поддержать. Ведь только девочка может по-настоящему до конца понять девочку. Так мама всегда говорила.

Катя закрыла лицо руками и разревелась. Оказывается, слезы в ней еще остались.

17 апреля 2007

Время теперь мой самый ценный ресурс. У меня есть только 24 часа на жизнь. Я записываю видеодневник, где говорю о самых главных событиях и об амнезии, чтобы после пробуждения быстро прийти в себя. Письменный дневник более подробный, тут я буду писать все, что вздумается, ничего не сокращая. Как объяснил мне врач Алексей Вадимович, видеодневник – это кратковременная память, а письменный дневник – это долговременная память. Надеюсь, это как-то поможет мне. И все те тесты и обследования, которые я прохожу каждый день (если верить врачам и отцу), помогут вернуть мою память. Я буду молиться. Потому что жить так – это просто бесконечный кошмар, и не только для меня, но и для моих родных.

Впрочем, кроме папы у меня никого не осталось.

18 апреля 2007

Я скучаю по маме. Еще вчера мы вместе завтракали оладушками с вареньем, она пила кофе, а я чай, мама потянулась за ложкой и зацепила рукавом тарелку. Тарелка разбилась, но мама сказала, что это на счастье.

Честно сказать, я себе счастье представляла немного по-другому.

Я навсегда зависла в состоянии, когда только-только узнала о смерти матери. Я никогда не переживу это горе.

Говорят, время лечит. Но не меня.

У меня есть только 24 часа, чтобы пережить это. А завтра я начну сначала.

Я плачу и плачу.

Катя пролистала несколько заметок вперед.

25 апреля 2007

Сейчас поздний вечер, я только пришла в более-менее нормальное состояние. Мне было очень плохо.

Приходил папа. Я вижу, как ему больно. Он рассказывает все это мне каждый день и переживает боль вместе со мной.

Я написала это и снова разревелась.

Мама была в командировке на конференции, и утром она не явилась на встречу, а уборщица в отеле обнаружила ма-

му в постели. Она так и не проснулась. Врачи говорят, что-то с сердцем, наверное сердечный приступ. И это в ее-то возрасте! Я очень тоскую. И я лишь надеюсь, что она ушла во сне, не мучаясь.

Я все время об этом думаю. Вспоминаю, какая она была, как обо мне заботилась, как варила в детстве куриный суп, когда я болела, как мы с ней ходили за цветами для учительницы по математике Галины Николаевны на 1 сентября, как мама заплетала мне косы в школу, как мы с ней иногда дурили, когда папы не было дома, дрались подушками или рисовали на лицах друг друга мордочки животных.

Мне очень жаль, мамочка. Я люблю тебя и буду скучать по тебе...

Слезы все капали и капали на бумагу, добавляя еще больше разводов. Тут и там чернила были размазаны. Это был не дневник девочки 15 лет, или сколько ей там было на момент написания, это была книга для слез.

Катя все больше и больше погружалась в тот ужас, который пропитал всю ее жизнь начиная с момента катастрофы. Каждое утро ее начиналось с шока и неприятных новостей. Каждое утро она чувствовала себя одинокой, растерянной. Она не понимала, где находится, почему изменилась ее комната. Потом появлялся папа, и она приходила в ужас от того, как он изменился за ночь, как постарел. А потом папа включал видеозапись, и она узнавала, что жизнь превратилась в

обрывочный кошмар, который ей придется проживать раз за разом.

Катя стала пролистывать заметки, потому что многие из них повторялись. И это вогнало ее в невыносимую тоску. Она вынуждена была поставить жизнь на паузу, пока все люди вокруг жили и шли в будущее. Она повторяла раз за разом одно и то же, залипла в этой горе, как в муторном киселе, и никак не могла вырваться.

Она остановилась на еще одной заметке и прочитала:

20 мая 2007

Сегодня я спросила папу, почему они с врачом вывалили на меня всю эту жесть, почему они так поступают со мной? Неужели нельзя просто рассказать мне сказку, что мама жива-здорова, что она придет завтра навестить меня? А на следующий день сказали бы то же самое. Тогда я бы не чувствовала себя такой несчастной. Зачем они так надо мной издеваются?

На что он мне ответил, что они так уже делали. Целый год я лежала в больнице, и все это время они говорили мне, что мама скоро навестит меня. Почти год я каждый день просыпалась в больничной палате, они говорили, что я заболела и что я временно отдохну от школы. Они ставили мне в палату телевизор, и я смотрела одни и те же фильмы раз за разом, читала одни и те же книги раз за разом, и вот так я провела почти год, счастливая и ничего не знающая. Но

проблема в том, что это не могло продолжаться бесконечно, и рано или поздно я бы обо всем догадалась. Да, в палате не было зеркала, но, конечно, я заметила, что мое тело выглядит совсем не так, как вчера. Наверняка я и тогда об этом догадывалась. Тогда я не вела дневник и ничего не знаю точно, но в том-то и проблема: я не могу прожить дольше чем один день, если не веду дневник, а если я веду дневник, то от меня никак не скрыть смерть мамы. Рано или поздно я узнаю об этом, что мама не придет никогда.

Мама не придет никогда.

За возможность помнить свою жизнь я расплачиваюсь тем, что все плохие новости действуют на меня так, будто я впервые о них слышу. И чем дальше, тем больше всего накапливается. Боюсь, однажды я прочитаю свой дневник и не выдержу.

Я часто задаюсь вопросом: а что случилось с Сашкой? Что случилось с Надей и Лией? Мне хочется связаться с ними. Пообщаться. Я не знаю, делала ли я это раньше, ничего такого я не записывала. Скажу папе, он поможет найти их телефоны.

Мир сильно изменился. Появились сотовые. И я учусь обращаться с ними. Очень удобная вещь. Интересно, не вредны ли они для мозга?

Я сейчас живу дома, а не в больнице. Но это не тот дом, который был у нас раньше. Мы переехали в другой город. Точнее, в маленький поселок, тут совсем тихо. Теперь у нас

двухэтажный дом, и я забила себе комнату на втором этаже. Папа где-то нашел старые плакаты «Агаты Кристи». Я приклеила их на стену. Так я хоть понимаю, что просыпаюсь в своей комнате, а не где-то в другом месте. Папа оборудовал мне небольшую студию, чтобы я могла записывать видеодневник в своей комнате. Скоро пойду изучать местность.

25 мая 2007

Я начала пользоваться ноутбуком. И это удивительная вещь! Он как книга, только с экраном. Тут можно играть, писать, рисовать! Папа говорит, что можно подключить интернет. Это какая-то сеть, где люди со всего мира могут писать друг другу, где можно найти любую информацию. Интересно, смогу ли я найти там Надю и Лию? Я давно уже ничего о них не слышала. Собственно говоря, со вчерашнего дня, когда мне было пятнадцать. Хотя прошло уже много лет.

Алексей Вадимович говорит, что мне необходимо каждый день изучать что-то новое, играть на разных инструментах, изучать машинопись. Моя обычная память хоть и возвращает меня в прошлое, но мышечная работает по-другому. Она все помнит. Алексей Вадимович говорит, что однажды я могу проснуться и узнать, что умею играть Баха на фоно или бегать марафон за три часа. Мне кажется, это прикольно. Интересно, играла ли я на чем-то после пятна-

дцати лет? Надо спросить у папы.

Алексей Вадимович говорит, что освоение навыков помогает мозгу поддерживать активность, и, возможно, это благоприятно скажется на памяти. Я не знаю, как это должно сработать, но пока я не помню ничего. Поэтому каждый день изучаю одно и то же.

Следующая заметка оказалась последней. Катя прочитала ее и долго смотрела на пожелтевшую измятую страницу, залитую высохшими слезами.

А в голове ее вертелся вопрос:

И чем же все это закончилось?

Часть 2

8

День другой, дерьмо все то же.

Стивен Кинг, «Ловец Снов»

Катя проснулась под пение птиц и потянулась. Она открыла глаза и увидела, что комната изменилась. Она настороженно поднялась на кровати и огляделась. Плакаты «Агаты Кристи» были другого формата и какие-то чересчур яркие. Домик с куклами пропал. Письменный стол-раскладушка заменил какой-то огромный стол с выдвижной доской под столешницей. Появились книжные полки. И вообще, это была не ее комната.

Катя слышала чье-то пение. Голос был похож на папин.

Она встала и в одной длинной футболке по колено вышла в коридор. Она спустилась со второго этажа по крутой лестнице. На первом этаже пахло чем-то вкусным. Из кухни доносились слова песни «Браво» – «Любите, девушки, простых романтиков». Шипело масло на сковороде. Позвякивала посуда.

Катя вошла на кухню и увидела отца, стоявшего у плиты.
– Папа?

Он обернулся.

– Звездочка проснулась! А я-то думал, почему солнце еще не встало, а уже так светло!

– Вообще-то уже во всю день, – сказала Катя смущенно.

– Я тут готовлю блины, хватай тарелку, – сказал папа.

– А мы где? – спросила она.

– Мы в отпуске.

– Так я же вроде бы... Папа? А что с тобой? Ты такой...

– Постарел? – спросил он.

Она кивнула.

– Да, доча, постарел немного. Присядь, пожалуйста, я сейчас тебе все объясню.

Она присела за круглый стеклянный стол. Через столешницу видно было голые пятки. Странно, Кате казалось, что ноги ее стали больше, да и сама она как будто выросла со вчерашнего дня.

Папа поставил на стол тарелку с блинами, несколько баночек джемов, кофейник, тарелки и чашки.

– Будешь кофе?

– Фу, – сказала Катя. – Рано мне еще пить такую гадость.

Он кивнул и присел.

– Милая, в общем, ты не помнишь, как здесь оказалась, потому что ты попала в автокатастрофу и у тебя проблемы с памятью. Амнезия.

Она открыла рот, но ничего не сказала. Потом прищурилась.

– Это прикол? – спросила она.

– Нет, к сожалению, – сказал папа. – Ты поэтому и не помнишь, как ты сюда попала и почему я такой старый. Врач сказал, что это продлится еще, может, неделю или месяц, но скоро память восстановится. Собственно, поначалу ты вообще ничего не помнила, даже меня и свое имя. А теперь ты что-нибудь помнишь?

– Да, – кивнула Катя, – я помню, как вчера легла спать. Ну в смысле, вот помню, как легла спать. Я хотела завтра в кино пойти с одним мальчиком.

Она покраснела.

– Ну вот, это очень хорошо! – сказал папа с ноткой радости. – Память начинает восстанавливаться. Думаю, месяца через два вспомнишь все стихи, что учила на литературе.

– А почему у меня нет ран? – спросила Катя, осматривая руки и ноги.

– Это произошло несколько месяцев назад, у тебя уже все зажило, – сказал папа. – На тебе всегда быстро все заживало. Ты же знаешь.

– А... а сколько вообще мне лет? – спросила Катя.

– Двадцать восемь.

– Вот это ни фига себе! – воскликнула Катя, вытаращив глаза на отца. – Так что, я, получается, полжизни просто потеряла? Я не помню, как закончила школу, куда поступала, где работала. Как же так!

– Не расстраивайся, милая, – сказал папа, – позавчера ты

не знала, как тебя зовут. А сегодня ты вон уже какого-то мальчика вспомнила. Так, глядишь, завтра вспомнишь, как ходила на выпускной.

– А что, если не вспомню? – испуганно спросила она.

– Врачи говорят, что шанс успеха практически сто процентов. Главное тебе сейчас ни о чем плохом не думать и просто отдыхать. Наслаждаться отпуском, гулять в лесу, купаться в море. У нас есть деньги, тут тепло и тихо, есть несколько прикольных мест, пляжи, горы, поля. Если хочешь, можем съездить на машине в город, сходить в кино или прикупить чего-нибудь вкусенького. Ну или книгу какую-нибудь, хотя я захватил для тебя несколько книг, которые ты сама... Которые ты перед автокатастрофой заказала в магазине. Они все в твоей комнате лежат на полке. Еще есть куча фильмов на дивиди.

– Что это такое?

– Ах да, прости, я порой забываю, что столько всего изменилось с того момента... Ну... Что ты не все можешь помнить. В общем, дивиди – это как... Помнишь, раньше были такие видеокассеты – виэйчэс?

– Ага, конечно помню, это ж вчера было.

– Просто еще вчера ты этого не помнила, – сказал папа. – Ну в общем, дивиди – это подобная штука, только выглядит как плоский диск круглый, и он также втыкается либо в магнитофон, либо в проигрыватель. А сейчас есть еще круче штуки, я тебе после завтрака покажу. Не против?

Катя кивнула.

– Ну ладно.

Она взяла блин, обмакнула его в клубничный джем, поднесла ко рту, но остановилась, так и не откусив.

– Папа, а где мама?

Папа улыбнулся и отвел глаза. Он взял кофейник и налил себе в кружку кофе.

– Ей пришлось отъехать на конференцию в Германию, но она скоро вернется. Может, через неделю. Может, через две. Кстати, она же тебе тут письмо прислала. Я тебе после завтрака дам, оно у меня в кабинете лежит.

– Папа, а почему я не помню вчера? Если ты говоришь, что память возвращается, то почему я не помню вчера?

– Я не знаю, звездочка моя. Оно как-то непонятно все происходит. Иногда ты помнишь вчера, а иногда забываешь. Врачи говорят, что нужно время на восстановление. Еще буквально неделя-две, и ты вспомнишь все. Сейчас тебе надо просто расслабиться и насладиться отдыхом. Не думай об этом. Представь, что у тебя выходной от забот. А когда память вернется, тогда будешь думать о всяких проблемах, работе и прочей фигне.

– Ну ладно, – сказала Катя. – Блин, я такая голодная! Как будто два года не ела.

Она сунула блин в рот и начала жевать.

Папа улыбнулся и подвинул к ней тарелку с клубничным джемом.

– Очень вкусно, – сказала Катя. – Ты всегда готовишь самые лучшие блинчики!

– А мне кажется, у мамы все равно лучше, – сказал папа с грустной улыбкой.

– Ты только ей не говори, что я нахвалила твои блинчики, а не ее, – сказала Катя, прожевав блин, – а то вдруг она обидится.

– Хорошо, милая, – сказал папа.

Катя сунула в рот следующий блин. Пока она жевала, ее взгляд блуждал по кухне, рассматривая интерьер. Все было таким новым, навороченным, какие-то дверцы, электронные экраны, подсветки, как на космическом корабле из фантастического фильма.

И тут ее взгляд задержался на коробке с очень знакомым логотипом. У Кати глаза чуть не вылезли из орбит. Она быстро проглотила едва прожеванный блин и ткнула пальцем в коробку:

– Мои нервы! Ни фиги себе сколько сникерсов!

– А, это... – сказал папа совершенно обыденным голосом, как будто сникерсы не были каким-то редкостным дорогим лакомством. – Да, купил на всякий случай, чтобы в город не мотаться.

– Вот это да! А мы что, богатые, что ли? Да и куда нам столько?

– Да это я так на год вперед взял, думал, ты любишь их, – сказал папа смущенно. – А вообще, да, мы довольно обес-

печенные. Так что любой каприз за мои деньги. В общем, я угощаю.

9

Катя смотрела в окно, вдыхая чистый влажный воздух. Как здесь было хорошо в тени деревьев, да еще и с видом на море!

Ее немного беспокоило то, что она потеряла память, но папа сказал, что нет причин переживать. Почему бы и правда не отдохнуть? Хотя ей было интересно, как она сходила на свидание с Сашкой Бортниковым, поцеловал ли он ее после кино, держались ли они за руки на сеансе и как дальше сложились их отношения. А еще ей было интересно, где сейчас ее подруги Надя и Лия.

Катя еще раз перечитала записку от мамы, которую папа отпечатал на какой-то необычной сверхбыстрой печатной машинке с названием «принтер». Папа сказал, что это было электронное письмо от мамы и вообще сейчас реальной почтой почти не пользуются. Катя еще спросила, как электронной почтой можно отправить, например, посылку с кроссовками или книгой? Но папа объяснил, что электронная почта используется для отправки простых сообщений или заказов в интернет-магазинах. Катя вспомнила, как она заказывала книги по каталогу, и представила, как же хорошо сейчас живется людям с электронной почтой, когда можно зака-

зять книгу за пять минут. Раньше Кате приходилось месяцами ждать каталоги, заказывать книги через письма и ждать ответа еще долгое время. И у нее никогда не было уверенности в том, дошло ли письмо или нет. Это было дико неудобно. Но электронная почта обещала настоящие чудеса!

И в то же время Катя читала отпечатанное письмо с мыслью о том, что чего-то не хватает. В самом низу стояла подпись «С любовью, мама», но никакой любви в этих совершенно одинаковых выведенных под копирку буквах не было. Это не был почерк мамы. Катя не могла избавиться от ощущения, что она читает письмо не живого человека, а какую-то книгу, заданную по литературе на лето, в которой героиня получает письмо от выдуманной матери.

Но Катя все равно была рада. Она, конечно, еще не успела соскучиться по маме, в конце концов, они же вчера ходили вместе в магазин за новыми джинсами, которые, наверное, уже давно истлели в труху где-то на помойке, но все равно всегда приятно читать сообщение от близкого человека, который находится далеко и скучает по тебе.

Доброе утро, моя звездочка, как ты сегодня себя чувствуешь?

Я сейчас в Германии, и даже тут очень тепло и ярко от твоего света. Хотя я бы с удовольствием взяла тебя с собой, как и прошлый раз, но, к сожалению, из-за аварии это невозможно. Ну ничего, будет еще время.

Со мной все в порядке. А как твои дела? Как твоя память? Вспомнила уже что-нибудь? Надеюсь, что тебе уже лучше. Врачи обещают, что скоро твоя память полностью восстановится.

Дел много, но я все успеваю. Много новых знакомых появилось, много интересного узнала. Я очень скучаю по вам с папой. Я бы хотела созвониться с вами, но сейчас у меня очень плотный график по встречам. Может, завтра? Если вы не заняты.

Сейчас пишу из номера отеля. Тут очень уютно. И персонал вежливый. У меня все хорошо.

Пишите мне тоже на электронку.

Пока-пока.

Скоро увидимся.

Катя прочитала еще несколько раз.

Почему-то она никак не могла его отложить в сторону. Что-то не давало ей покоя. Но что?

И вдруг она поняла.

Внизу письма было несколько пятен, как будто чем-то капнули на бумагу. Катя присмотрелась. Похоже на пятно от кофе или шоколада. Само письмо выглядело довольно потрепанным и будто бы уже несколько раз прочитанным, например, вчера... Или позавчера.

Все это казалось Кате странным.

А еще ей казалось, будто мама не рассказывала, а именно

убеждала ее в том, как она себя чувствует.

Со мной все в порядке.

У меня все хорошо.

Катя повертела письмо. Потом отложила.

Скоро она все вспомнит, ведь папа обещал ей. А папа никогда ее не обманывал. Он был очень хорошим папой, лучшим в мире.

Катя разделась и посмотрела на себя в зеркало. Выглядела она по-взрослому, вот только забросила спорт, и это ей очень не понравилось. Кожа стала сухая, на теле появились шрамы, живот немного висел, ляжки были слишком толстыми, как и бока. Не мешало бы заняться бегом. Папа сказал отдыхать, а бег для нее был лучшим отдыхом.

Она порылась в шкафу, нашла спортивные шорты и футболку. Потом Катя спустилась вниз и нашла в прихожей чьи-то кроссовки. Судя по всему, это были ее кроссовки, очень клевые, салатного цвета.

– Папа? – позвала Катя.

Он не ответил. В доме было тихо.

Катя позвала еще раз, но после минуты ожидания решила, что папа либо спит, либо куда-то ушел, и отправилась на прогулку.

Погода была кайф.

– Как же тут круто! – воскликнула Катя, озираясь по сто-

ронам и вдыхая полной грудью.

Она вышла во двор, который был огорожен невысокой изгородью. От дома вела протоптанная тропинка к калитке. К ней Катя и направилась. Туда, откуда доносился звук прибоя и шум разбивающихся о берег волн. После калитки тропинка уводила через лес к берегу. Катя вышла из леса и очутилась на самом краю обрыва. Перед ней в обе стороны развернулась синяя гладь. Катя посмотрела вниз. Обрыв был высотой около трех метров. Из воды торчали огромные острые камни, которые то и дело скрывала волна.

– Да, тут не покупаешься, – сказала Катя разочарованно.

Она осмотрелась и прикинула, в какую сторону лучше пойти. Справа был подъем на холм, где стояло одинокое дерево. Катя прикинула, что до дерева было не больше пары километров. В принципе, для первой тренировки нормально.

Катя сделала разминку. Ветер играл ее волосами. Чайки что-то кричали, может жаловались на улов. Море нашептывало древнюю сказку, которую рассказывало уже не одно поколение подряд. По небу не спеша плыли редкие облака.

Катя побежала. Ноги совсем одеревенели. В боку кололо. Но бег помогал освободиться от навалившихся мыслей и вопросов. Она все думала, как обидно будет потерять тринадцать лет жизни, если вдруг память не вернется к ней.

Она бежала всего минут десять, когда подъем стал более крутым, перешла на шаг. Дыхание сбилось. В груди горело.

Катя тяжело дышала, но сдаваться не собиралась.

Примерно через полчаса она все же добралась до вершины, тронула то самое одинокое дерево и рухнула на траву, привалившись к дереву спиной. С холма открывался вид на бухту, вокруг которой рассыпались прямоугольники домов. Тут и там сновали маленькие фигурки. Видимо, это был тот самый городок, про который рассказывал папа.

Катя вытерла пот со лба и с шумом выдохнула.

Она была довольна собой. Осилила такой путь, несмотря ни на что!

Вдруг сверху затрещали ветки, да так громко, что Катя вздрогнула. А в следующую секунду сзади что-то упало на траву. Катя вскрикнула и обернулась, приготовившись сорваться с места и бежать от монстра.

Мальчик лет тринадцати в коротких шортах и футболке с черепом отряхнулся от пыли и посмотрел на Катю.

Почти ровесник, подумала она, а потом вспомнила, что это вчера ей было пятнадцать, а сегодня уже... А какой сейчас год?

– Блин, напугал меня, – сказала Катя, нахмурившись. – Тебе мама не говорила, что подкрадываться к людям нельзя?

– Привет, – сказал он и сел рядом с ней. – Как дела?

Она удивилась, с какой легкостью он заговорил с незнакомой девушкой. Да еще и обратился к ней на «ты», будто старый знакомый.

– Ну, привет, – сказала она. – У меня все нормально.

Он оглядел ее, будто что-то искал.

– И что ты на меня так пялишься? – спросила Катя недовольно, даже с вызовом, скрестив руки на груди.

– Сумки у тебя с собой нет, а значит, ты не принесла мне сникерсы, как обещала.

– Что? – удивилась Катя.

– Ты мне сникерсы не принесла, – повторил он. Теперь хмурился уже он.

– А должна была?

– Ну да, мы же договорились.

Катя хлопала глазами.

– Не помню такого, – сказала она.

– Ну вот, началось. Я-то тебе принес, что тебе надо, а ты, кажется, решила кинуть меня.

– А что ты мне принес?

– Как ты и просила, коммуникатор с сим-картой и интернетом ровно до послезавтра. А ты мне коробку сникерсов за это. Я, как дурак, поверил.

Катя вспомнила коробку сникерсов дома на кухне.

– Че, правда, что ли? Ты реально не стебешь меня? – спросила она.

– Я не знаю, что такое «стебешь», но да, это правда. Думаешь, я попрусь в такую даль, чтобы просто так притараканить тебе телефон? Дел у меня больше нет, блин.

Он был очень недоволен. Насупился, ноздри раздулись, как сопла.

– Почему я не помню этого... – тихо сказала Катя.

– В общем, нет сникерсов – нет телефона, – пробурчал мальчик.

– Слушай, – сказала Катя. – А как тебя зовут?

– Ого! Так ты и имя мое забыла, что ли?

– Да, забыла. У меня последнее время с головой очень трудно. Папа сказал, что я попала в аварию и у меня амнезия. Я половину жизни забыла.

– Да, ты уже говорила, – сказал мальчик. – Только авария у тебя была уже хрен знает когда, а имя я тебе говорил позавчера.

Катя помотала головой.

– Не помню.

– Ладно, Коля меня зовут. Может, тебе на руке записать, чтобы ты не забыла?

– Коля, – повторила Катя. – Постараюсь не забыть. Так, а что там насчет... Как ты сказал, интерфлюкатор? Что ты там принес?

– Коммуникатор.

Он достал из кармана какое-то устройство и повертел перед Катей.

– Вот он, НТС Р4350, с qwerty-клавиатурой, смотри.

Он раздвинул телефон так, что появилась маленькая клавиатура.

У Кати брови полезли на лоб.

– Что это такое? – удивилась она.

– Коммуникатор. Хотя «интерфлюкатор» тоже прикольное слово. Надо будет запомнить.

– А для чего он?

– Ну как, чтобы звонить, играть, смотреть киношки, в интернете ползать. Ты реально, что ли, никогда не видела коммуникаторы?

– Не-а, – помотала Катя головой.

– А зачем ты тогда просила доступ в интернет?

Катя пожала плечами.

– Не знаю. А я что, правда просила?

– Ну да. Позавчера мы с тобой тут же встретились. Ты бегала. Вот. Мы познакомились, разговорились, ты спросила у меня про интернет, чтобы что-то там поискать, и я тебе сказал, что у меня есть телефон, на котором можно сделать интернет, и я могу тебе его дать за что-нибудь, ты предложила гору сникерсов. Ну вот, я согласился.

– Поискать что-то... – сказала Катя и на секунду задумалась. – Слушай, а что за интернет?

– Ну ты, блин... – Коля закатил глаза. – Ладно, щас покажу.

10

Коля показал Кате самые популярные социальные сети: «Одноклассники», «ВКонтакте», Myspace.

– А как найти... ну-у-у, например, Сашу Бортникова? –

спросила Катя.

– А кто это?

– Одноклассник мой.

– Вот смотри, – Коля ткнул стилусом в экран коммуникатора. – Надо жать сюда, потом сюда. Тут пишешь имя. Наверное, он зарегистрирован как Александр. Он из какого города?

– Из Екатеринбурга.

– Вот тут надо выбрать школу. В какой он школе учился? И еще отчество надо. И возраст.

– Школа номер сорок пять. Отчество – Валерьевич. Год рождения вроде бы тыща девятьсот восьмидесятый, – сказала Катя.

Коля взглянул на небо, прищурился, загнул несколько пальцев на руке и сказал:

– Двадцать восемь или двадцать девять, в зависимости от месяца. Так, запускаем поиск вот этой кнопкой. Ты знаешь, как твой Саша Бортников выглядит? В смысле, вспомнишь его?

– Попробую, – сказала Катя.

– Вот смотри, это список людей, листать надо вот так, – Коля показал. – Посмотри, кто-нибудь из них похож на твоего знакомого?

Коля дал Кате в руки коммуникатор. Она пролистывала фото очень осторожно, боясь испортить необычную технику.

Ни один мальчик ей не был знаком.

Кате в голову пришла мысль: а есть ли здесь она? И тут она поняла, зачем просила эту штуку у мальчика.

– Может быть, он в «Одноклассниках» есть? – предположил Коля, наблюдая, как Катя пролистывает список кандидатов все дальше и дальше.

– Где?

– Я думал, каждая собака в деревне знает этот дерьмовый сайт, – сказал Коля и улыбнулся. – Но вообще, можно твоего одноклассника в гугле поискать.

И он показал, как пользоваться поисковиком.

11

Катя вошла в дом. Папа тут же появился в коридоре.

– Я уже начал волноваться, – сказал он. – Ты гуляла?

– Да, немного пробежалась, размялась. Красиво тут.

– Узнаю свою дочу, – сказал он и грустно улыбнулся.

У него были опухшие и покрасневшие глаза.

– Все в порядке? – спросила Катя.

– Да, все хорошо. Просто ты еще до конца не восстановилась, и я очень беспокоился. Если ты куда-то уходишь, говори мне, пожалуйста, врачи рекомендуют все время тебя под наблюдением держать.

– Ладно.

Он повернулся, но от Катиных слов застыл на месте:

– Папа, а что я вчера и позавчера делала?

– Ты? Ну, так... Просто сидела дома, читала. Смотрела что-то. В основном спала.

– И позавчера?

– Ну вроде бы да.

– И что, я вот так просто сижу дома и ничего не делаю?

– Звездочка моя, ты сейчас отдыхаешь и восстанавливаешься. Тебе сейчас кроме отдыха ничего нельзя.

– Хм, и почему я ничего не помню, что делала вчера? Разве это логично? Ведь авария была уже давно, почему я забываю то, что происходит со мной вчера? – спросила она.

Отец напряженно смотрел на Катю, потом отвел глаза.

– Милая, – сказал он тихо. – Я не врач, мне сложно об этом судить. Но да, у тебя бывают провалы в памяти. Но врачи сказали, что надо просто отдыхать и постепенно восстанавливаться.

– Понятно, – сказала она. – Я пойду поем. Проголодалась очень.

Она пошла на кухню, а отец постоял несколько секунд в коридоре, будто что-то хотел добавить, но в итоге молча скрылся в кабинете. Катя включила чайник и, пока тот шумел, взяла коробку сникерсов и выглянула в коридор. Путь был свободен. Катя вышла во двор через заднюю дверь и кивнула Коле, который спрятался за калиткой, торчала лишь его голова. Катя поставила коробку на ступеньки и вернулась в дом.

Катя прикрыла дверь в своей комнате, села на кровать и достала коммуникатор. Она до сих пор не могла избавиться от ощущения, что находится в каком-то невероятно далеком будущем. Но ей нравилось это будущее, здесь есть такие интересные штуки с *ентернетом*. Надо будет у папы такую попросить.

Кстати, насчет папы, с ним явно было что-то не так. Он плакал, пока Катя гуляла. У него явно что-то случилось, и он что-то недоговаривает.

Катя вбила в поисковике свои имя и фамилию.

В этот момент раздались шаги на лестнице. Катя сунула коммуникатор под подушку, взяла книгу, открыла на первой попавшейся странице.

В дверь постучали.

– Да-да, – крикнула Катя.

Отец приоткрыл дверь и заглянул:

– Милая, не хочешь со мной кино посмотреть?

– А что за фильм? – спросила она.

– «Счастлиное число Слевина», тебе понравится.

– А, так я смотрела его уже сто раз, – отмахнулась Катя.

Отец тут же переменялся в лице. И непонятно было, он удивлен, напуган, обрадован или что вообще?

– Ты что-то вспомнила? – сказал он, и голос его был полон

надежды.

– Прости, папочка, я просто пошутила, – сказала Катя. – Я не помню этот фильм, первый раз про него слышу.

Утром, когда она сказала, что помнит себя пятнадцатилетней, он особо не удивился. А сейчас чуть инфаркт не схватил. Это казалось странным.

– Понял, – отец кивнул. Его лицо снова стало грустно смиренным. – Ну ладно, если захочешь посмотреть кино, спускайся.

– Прости, папа, – сказала Катя. – Я не хотела тебя так расстраивать шуткой.

– Да ничего, звездочка моя. Все нормально. Все же шутки помогают нам пережить тяжелое время.

Он вышел.

Катя достала коммуникатор. Страница уже загрузилась. Катя понятия не имела, что такое проводной гигабитный интернет, поэтому загруженная за минуту первая страница гугла была для нее не чем иным, как чудом техники.

У нее ушло три часа на то, чтобы найти информацию о себе. Но одной-единственной статьи было достаточно, чтобы довести Катю до слез.

Она нашла заметку о том, как она попала в больницу. И причиной была не автокатастрофа, как сказал папа.

Катя читала статью, а по щекам катились слезы. Сердце буквально выпрыгивало из груди. Руки дрожали, а шею переклинило так, что голова тряслась, как у старухи.

На улице уже стемнело. За окном пели сверчки. Оконную сетку снаружи облепили насекомые, пытаясь проникнуть в дом, где рыдала в подушку пятнадцатилетняя девочка, застрелявшая в теле двадцативосьмилетней девушки.

Катя узнала, что она все-таки вышла замуж за Сашу Бортникова. Но кажется, это был не самый удачный брак. Чуть больше года назад Сашка накачал Катю наркотиками, привязал к батарее и несколько дней избивал и насиловал. Через несколько дней издевательств ночью каким-то чудом Катя смогла освободиться. Она взяла нож и отрезала своему мужу член, а потом перерезала горло. После убийства насильника она вышла в окно. Квартира Саши, в которой они проживали несколько последних лет, находилась на третьем этаже. Катя осталась жива, но получила переломы рук в нескольких местах, обширное сотрясение мозга и, как следствие, ретроградную амнезию, которая каждую ночь возвращала ее в возраст пятнадцати лет. Она пролежала в реанимации около месяца. Потом ее перевели в платную палату, за которую платил отец, где она и восстанавливалась около года. В общем-то, она и по сей день не могла вернуть назад свою память.

Статья оканчивалась фотографиями счастливой семейной пары, на которой Катя широко улыбалась и обнимала за шею Сашу. Того самого Сашу, с которым она собиралась в кино, которому писала анонимные записки и валентинки, ради которого завела эту чертову анкету, лишь бы узнать, в

кого он влюблен.

Он был ее мечтой, а стал кошмаром.

13

Катя проснулась, потянулась и пришла в шок от увиденного. Ее комната изменилась. Она долго озиралась по сторонам, пытаясь понять, где она. А потом увидела записку. Почерк был ее, судя по прописной букве «т».

Привет. Я – это ты. Ты потеряла память и каждую ночь забываешь все прошлое вплоть до 15-летнего возраста, до того дня, когда собиралась на свидание с Сашкой Бортниковым. Перед тем, как спуститься на первый этаж, загляни в шкафчик под столом. Эту записку спрячь. Папе не показывай.

Катя заглянула в ящик, нашла там какое-то чудное устройство и следующую записку.

Снизу донесся голос. Кто-то пел песню «Браво» – «Любите, девушки, простых романтиков».

Катя сунула обе записки и электронное устройство обратно в шкафчик и спустилась на первый этаж, идя на голос отца, осматривая незнакомый дом.

– А я думаю, че так светло, а оказывается, моя звездочка проснулась! – воскликнул папа, широко улыбаясь.

После завтрака, на котором выяснилось, что Катя попала в автокатастрофу и теперь лечится от амнезии, папа вручил Кате отпечатанное на принтере письмо от мамы, с ним Катя вернулась в комнату, достала спрятанное устройство и записки, где обнаружила инструкцию, как пользоваться коммуникатором.

Уже через час Катя знала всю правду об «автокатастрофе», которой не было.

Она рыдала, до икоты, ее колотило изнутри, и не могла остановиться, хотя казалось, слез вот-вот не останется.

Когда слезы все-таки иссякли и Катя более-менее пришла в себя, она снова вернулась к записям. Инструкция требовала зачеркнуть следующую цифру в столбике, отмеряющем время до встречи с неизвестным мальчиком Колей. Это была цифра 1. Сегодня надо вернуть коммуникатор. Встреча будет у одинокого дерева на вершине холма. К письму была приложена карта. Также содержались инструкции, как быстро найти в гугле статью о Кате, ведь теперь она носила фамилию мужа. Еще содержались некоторые инструкции, как вести дневник, где его хранить и что нужно сделать сегодня: «Договориться с мальчиком Колей купить у него коммуникатор за любую цену. Деньги можно взять у отца».

Затем Катя прочитала письмо от мамы, но что-то в этом письме казалось ей странным. Будто мама слишком выдуманная. В письме не было ни строчки от нее настоящей.

И тут что-то щелкнуло в голове Кати, будто переключился

рубильник. Так бывает, когда долго решаешь задачу и в какой-то момент решение приходит с громким щелчком. Катя еще раз перечитала письмо и все поняла.

Она полезла в коммуникатор и в поисковике набрала полное имя матери.

Через час она выскочила из комнаты и, рыдая в голос, сбежала по лестнице. Отец крикнул из кабинета:

– Катя, что случилось? Ты куда?

Она не ответила, надела кроссовки, выбежала на улицу и помчалась туда, где ее ждал мальчик Коля. Отец бросился за Катей, но уже во дворе дома запыхался и отстал.

Катя нашла в *интернете* несколько статей о маме. Содержимое статей разительно отличалось от слов отца. И теперь письмо, которое отец якобы получил от мамы, выглядело чем-то вроде жестокой насмешки. Кате было горько осознавать, что отец был способен на такую подлость.

Мама действительно была в Германии. Вот только это было больше года назад, через несколько месяцев после того, как Катя потеряла память. И вернулась она оттуда в гробу на грузовом самолете. Потому что мама Кати покончила с собой.

В короткой заметке говорилось, что Королева Вера Николаевна, главный специалист на форуме со стороны России по вопросам заболеваний ВИЧ/СПИД, после встречи заперлась в номере и приняла целую упаковку снотворного, запив его шампанским. Горничная обнаружила тело утром и сразу вы-

звала скорую. Медики констатировали смерть в результате отравления препаратами.

Официальная версия следствия – самоубийство. В номере нашли несколько пустых упаковок снотворного, бутылки из-под шампанского, на которых были отпечатки пальцев погибшей. Предсмертной записки она не оставила. На теле следов насилия не обнаружили.

И все это Катя узнала на одном из новостных порталов.

Ох уж это проклятие интернета, оно же величайшее достижение человечества! Сделка с дьяволом за возможность узнать правду... И разбиться об нее, как птица о скалу.

Катя бежала. Ветер размазывал слезы по щекам. Примерно на середине холма она остановилась и закричала во весь голос. Мышцы шеи напряглись как струны, с губ летела слюна, глаза зажмурены до боли – Катя старалась выдавить из себя горе вместе с криком. Потом вопль прервался режущим, как лезвие, кашлем. Катя рухнула в траву и свернулась в позе эмбриона. Она хотела забыться навсегда. Она хотела уснуть и не просыпаться. А для этого ей нужно было всего лишь сделать пару шагов с обрыва. Здесь высота была достаточная, чтобы разmozжить череп о валуны, торчащие из воды.

– Ты чего кричишь? Что-то случилось?

Катя открыла глаза. Над ней стоял мальчик. Он протянул ей сникерс и сказал:

– Держи, может, тебе полегче станет, а у меня еще их мно-

го.

Позже они сидели у обрыва. Катя рассказала, что узнала о себе и своей маме. Коля слушал, почесывая макушку, и только говорил «да уж». Катя сказала, что хотела сначала купить у Коли эту штуку, которая называется *комплукатор*, чтобы больше узнать о себе, но теперь уже сомневается.

– Может, мне лучше вообще ничего о себе не знать...

– Если тебе нужен коммуникатор, – сказал Коля, – оставь его себе, мне не жалко. Мне недавно мама пообещала новый телефон с 3G...

– Что бы это ни значило, – сказала Катя, а потом грустно улыбнулась Коле и добавила: – Ты правда не стебешь меня?

– Я не знаю такого слова, – сказал Коля.

– Не обманываешь?

Коля отрицательно помотал головой.

– Спасибо, – сказала Катя. – Но наверное...

Тут глаза Коли стрельнули в сторону, и Катя обернулась. К ним направлялся отец. Он шел медленно, делая долгие остановки во время подъема.

Катя отвернулась и уставилась в море.

– Это за тобой? – спросил Коля.

Катя кивнула.

– Это твой папа?

– Да, был когда-то, – сказала Катя тихо. – Но после сегодняшнего утра я даже не знаю, он ли это. Он соврал мне, нагло соврал. Да еще и эту дурацкую записку написал. А я

ведь сначала повелась. Но потом поняла, что это не мама писала, несмотря на то, что письмо было отпечатано на пишущей машинке. Просто мама меня так никогда не называла.

– Как не называла? – спросил Коля.

– Звездочка, а вот и ты, – слышался запыхавшийся голос отца.

Катя медленно поднялась и повернулась к отцу. Коля тоже встал и отошел на несколько шагов в сторону. Катины глаза покраснели, скулы ходили ходуном, будто пилили бревно. Ладони сжались в кулаки и подрагивали, будто в кулаках сидели маленькие человечки, пытающиеся оттуда выбраться.

Отец остановился в нескольких метрах.

– Прости, – сказал он, тяжело дыша.

Катя надула ноздри, на лбу проступила вена. Казалось, что сейчас Катя взорвется от напряжения.

– Зачем нужно было мне садиться на уши? – чуть не прокричала она. – Зачем этот цирк? Папа!

– Прости, я...

– Господи! Прости? Ты мне втюхал какую-то бумажку, которую сам написал. Думал, я не узнаю? Мама никогда не называла меня звездочкой. Это ведь твоя фишка! Твоя! Господи! Зачем ты так со мной?

– Потому что я защищал тебя.

– От чего ты защищал? Почему нельзя было сказать правду?

Она снова плакала. А Коля уходил все дальше, испуганно

наблюдая за сценой.

Катя двинулась к обрыву.

Отец сделал шаг к ней:

– Катя, пожалуйста, дай я объясню.

– Знаешь, чего мне сейчас хочется? Хочется прыгнуть. И разбиться к чертям! – последнее слово она прокричала, буд-то и правда хотела, чтобы черти услышали ее из-под земли. – Ты не представляешь, что я сейчас ощущаю! Мне будто нож в сердце всадили. И кто это сделал? Родной отец! Я думала, мы с тобой друзья. Я думала, не разлей вода. А ты!!!

Катя сделала еще один маленький шаг и остановилась у самого края обрыва.

– Моя мамочка, мамочка... – плакала Катя.

– Катя, пожалуйста, будь осторожна, – чуть не шептал отец, подняв трясущиеся руки.

– А зачем? – спросила она. – Какая мне на хрен разница? Для меня эта жизнь кончится уже через несколько часов, моя жизнь теперь какая-то мозаика из обрывков, а ты...

И тут Катя оступилась.

Опора ушла из-под правой ноги, и Катя резко наклонилась. Она вскинула руки и завизжала. Отец бросился к ней, но расстояние было слишком большое. Катя полетела с обрыва. Она успела заметить огромные острые камни, которые поджидали ее внизу уже несколько миллионов лет, но вдруг каким-то чудом Катя зависла над обрывом, а в следующий миг ее буквально вздернули обратно на твердую почву.

Это Коля успел подскочить к Кате и схватить ее за футболку. Они повалились на траву. Катя упала сверху и разбила затылком нос Коле. Он этого даже не заметил. Он обхватил Катю руками и прижал к себе. Отец бросился к ним, но Катя стала отталкивать его руками и ногами, крича.

– Отвали от меня! Отвали! Я хочу сдохнуть! Это ведь она из-за меня! Мама из-за меня покончила с собой! Из-за меня! Из-за меня!

– Нет, милая, нет, – зачастил папа, защищаясь от ударов дочери. – Нет, это не из-за тебя, не из-за тебя.

Катя перевернулась на бок и свернулась в клубок. Коля наконец отпустил ее и встал, отряхиваясь от пыли и травы. На лице его застыл испуг. Кажется, он впервые спасал девушку от смерти.

Отец посмотрел на него с благодарностью и прошептал беззвучно одними губами:

– Спасибо.

Коля кивнул и попытался улыбнуться, но вышла какая-то кислая гримаса.

Папа сел к Кате и положил руку ей на плечо. Она больше не отбивалась. Тогда папа лег с ней рядом, но не прижимаясь к ней.

– Я помню, как качал тебя на руках, – сказал он. – Когда ты была совсем крохой, ты долго не могла уснуть вечером. Ты была и не жаворонком, и не совой, ты у нас всегда ложилась поздно и просыпалась рано. Мы с мамой часто шутили

по этому поводу. Думали даже назначить дежурного, кто-то встает рано утром, а кто-то ложится поздно вечером. В итоге получилось так, что я укачивал тебя по вечерам, потому что на маминых руках ты не засыпала, а по утрам ты будила первого все равно меня. Я прекрасно помню эти дни. И я очень скучаю по тем временам, когда все было нормально. Но сейчас уже ничего не вернуть. По крайней мере для меня.

– И что это значит? – спросила Катя дрожащим от обиды голосом.

– Это была моя идея, – сказал папа, и не понятно, о какой именно идее он говорил. – Но я бы так не поступил никогда без твоего согласия. Никогда.

Катя повернулась к нему лицом и положила под голову ладонь. Она смотрела на папу, а он на нее. Оба расстроенные, оба со слезами на глазах. Два человека, живущие в бесконечном кошмаре.

– Мы очень надеялись, что это поможет сохранить тебе здоровье, – сказал папа. – Но... Я очень боялся, что когда-нибудь ты сообразишь, что происходит. И это закономерно. Тайное всегда становится явным. Глупо было думать, что ты не догадаешься. У тебя слишком развита интуиция, как шестое чувство. Помнишь, как ты в детстве раскусила меня, когда я притворялся Дед Морозом? Ты сказала: «Папа, а чего ты с бородой?» А я стал выкручиваться: «Я не папа, ты меня с кем-то перепутала», а ты подошла ко мне, оттянула бороду и сказала: «Дед Мороз, выплюнь моего папу»

из своей шубы». Мы так смеялись с мамой, что чуть животы не надорвали. Помнишь такое?

Катя улыбнулась сквозь слезы.

– Ты очень умная девочка. Я горжусь тобой, и мне очень жаль, что так вышло. Больше я никогда не решусь на подобный эксперимент. Я тебя никогда не обману. Клянусь.

Он достал из-за пазухи тетрадь, которая, видимо, была воткнута у него за пояс.

– Прочти это, – сказал он и передал дневник Кате.

15 февраля 2008

Папа предложил одну идею. Алексей Вадимович поддержал. Они ждут моего согласия. На раздумья у меня пять часов, потом я все забуду.

Они предлагают отвезти меня в какое-нибудь теплое тихое место, где нет связи, дневники запереть в сейфе и вести себя так, будто это происходит через пару месяцев после автокатастрофы. И так жить некоторое время, пока я не восстановлюсь. А если я захочу вести дневник, то каждый день давать мне новую тетрадь, как будто в первый раз. Это будет такой мини-отпуск от плохих новостей. Некая перезагрузка. Алексей Вадимович говорит, я очень сильно хуждею, почти не ем, почти не сплю. Анализы не очень хорошие. Меня мучает бессонница, панические атаки. Выпадают волосы, портятся ногти. Мне сложно об этом судить, для меня все это кажется странным. Но Алексею Вадимовичу

я доверяю, потому что папа говорит с ним как с лучшим другом. И они говорят, что я увядаю на глазах.

Вообще, звучит заманчиво: сбежать от маминой смерти. И снова думать, что она жива и скоро приедет ко мне. Мы снова наварим какао, сядем на диван, будем болтать. Она расскажет мне, как в детстве писала стихи, играла с мальчишками в войнушку и одному хулигану поставила синяк под глазом. А еще как они пасли бабушкиных гусей и ее подруга надела красную юбку и убегала от самого злого гуся. Мама всегда так зажигательно смеялась, когда рассказывала о детстве.

Я соглашусь на этот эксперимент. Мы с папой уедем куда-нибудь далеко-далеко. Папа скажет, что мама в командировке или на затянувшейся конференции за границей, а я буду писать ей письма. Было бы круто получить от нее ответ. Хотя бы коротенький. Надо будет подсказать папе идею.

Мне кажется, это не обман. Один или два года беззаботной отрешенности не помешают.

Не знаю, как долго продержится такая схема. Но если я вдруг все выясню и у меня случится истерика, то папа покажет мне запись о том, что я сама согласилась на такую терапию, чтобы сохранить остатки здоровья. И знаешь, после всей боли, что я пережила сегодня, а возможно, и вчера и позавчера, мне хочется уснуть навсегда. Поэтому лучшие я буду жить в незнании. Надеюсь, это как-то помо-

жет папе.

Удачи нам.

Они сидели на траве бок о бок. Катя держала в руках дневник. Папа обнимал ее за плечи. Коля сидел чуть в стороне, играя маленькими камнями, выкладывая какие-то тайные знаки на траве.

– Папа, – сказала Катя. – Прости меня, мне очень жаль.

– Ты не виновата, – сказал папа. – Мне не в чем тебя винить.

Она прижалась к его плечу.

Так они сидели еще несколько часов, не в силах оторваться друг от друга. Одни во всем мире. Отец и дочь.

А потом они вернулись домой, и папа вынес для Коли в благодарность еще одну коробку сникерсов.

Вечером перед сном папа предложил Кате написать обо всем, что произошло с ней за последние дни, в новую тетрадь. И пообещал, что завтра он ничего от нее не скроет. Так Катя завела второй дневник.

Часть 3

14

*Теперь намного легче,
И мое завтра было вчера,
Остался только вечер
И право дожить до утра.*
Animal ДжаZ, «Давид»

«И чем все это закончилось?» – думала Катя, перечитывая последнюю страницу первого дневника.

Вообще, звучит заманчиво: забыться раз и навсегда, уехать куда-нибудь подальше и думать, что тебе все еще 15 лет, гулять по пляжу, читать, бегать. И никаких тебе непонятных мужей и всяких мужиков, нападающих и пытающихся затолкать в машину.

Катя перелистнула последнюю страницу и на последнем форзаце нашла инструкцию:

«Ентэрнет Интернет. Поиск любой информации».

Дальше по пунктам было расписано, где найти интернет, что с ним делать, как платить, какие сайты использовать.

Это что-то типа телефонного справочника, только по любому вопросу, подумала Катя. С помощью интернета она

сможет связаться с отцом.

На детской площадке появились первые посетители – две женщины и трое детишек пяти-семи лет. Мальчишки забрались на те самые многогранники, которые оказались чем-то вроде тренажеров для скалолазов, дети цеплялись руками и ногами за специальные выступы и болтались на них, как обезьяны. Девочка принялась кидать мяч через волейбольную сетку.

– Мама, давай поиграем! – крикнула девочка.

– Не сейчас, Машуля, мы сейчас с тетей Наташей пообщаемся, – ответила мама.

Девочка скуksилась и бросила мяч. Он ударился о сетку, упал и откатился к Катиным ногам. Девочка посмотрела на Катю, но подойти не решилась.

Катя не могла дотянуться до мяча, поэтому просто смотрела на девочку.

– Мама, – позвала девочка, – принеси мне мяч. Я боюсь эту бабушку.

Мамы наконец обратили внимание на Катю. Их лица очень быстро переменялись, будто дети достали косяк и затягивались по переменке, передавая его друг другу и хихикая.

Мама подбежала, схватила мяч, грозно взглянув на Катю, и потянула дочь подальше от странной женщины. Машуля с интересом рассматривала Катю, пока мама тащила ее через всю площадку.

Катя поторопилась надеть мокрую обувь. Еще вчера она бы предпочла идти вообще без обуви, ступая по теплomu песку и асфальту голыми пятками, но сегодня ее ноги были уже не такими крепкими.

Вторая мамочка подбежала к первой, оставив мальчишек ползать по многогранникам. Мамы о чем-то возмущенно и тихо переговаривались. Машуля выглядывала из-за женщин с опаской и интересом.

Катя взяла лыжную палку, сунула дневник под мышку, встала со скамейки и сама удивилась, насколько тяжело дался ей подъем. В глазах потемнело. Спина, колени, шея, все хрустело, как хлебцы.

Мамы шептались, кивая в сторону Кати. Первая достала что-то из кармана, потыкала пальцем в эту штуку и приложила к уху. Кате это не понравилось. Она заковыляла в сторону дороги, стараясь идти на пределе возможностей.

Вскоре детская площадка осталась позади. Катя оказалась на дороге, которую подпирали с обеих сторон невероятной красоты особняки, будто поместья маленьких королей, которые соревновались друг с другом, у кого круче дом. Навстречу Кате проезжали необычные машины. Некоторые водители с интересом ее разглядывали. Здесь Катя выглядела слишком странно, среди всех этих дорогих машин, огромных домов, она – старуха в мужской одежде, с лыжной палкой, тетрадь под мышкой и мокрыми ногами.

Сзади раздался шум мотора. Катя шла вперед, ожидая,

что сейчас ее обгонит какая-нибудь футуристическая причуда с необычными яркими фарами или странными блестящими колесами. Но нет, машина не спешила идти на обгон. Катя остановилась и обернулась. К ней медленно приближался черный низкий седан, заляпанный засохшей грязью, с тонированными стеклами.

Катя прищурилась от солнца. Становилось жарко. У нее начинала пухнуть голова. Тело буквально умоляло упасть куда-нибудь в тень и не двигаться хотя бы двое суток, чтобы остыть и прийти в норму.

Седан поравнялся с Катей. Стекло со стороны пассажира опустилось.

– Извините, не подскажете, где тут двадцать пятый дом?

Парень улыбнулся. Желтые зубы кусали грязную зубочистку. Глаза скрыты за темными очками. Рядом с ним за рулем сидел еще один парень в таких же темных очках.

У пассажира было небритое лицо, светлые волосы торчали, будто он только что поднялся с постели и сразу сел в машину. Наверное, куда-то очень спешил. Он вынул зубочистку изо рта. На руках – черные кожаные перчатки. Что могло заставить человека в такую жару надеть перчатки? Наверное, то же самое, что заставило надеть темные очки и сесть в тонированную машину.

– Я не знаю, – сказала Катя и пошла дальше, оглядываясь по сторонам в поисках убежища. У нее было очень плохое предчувствие.

Она заметила за домом напротив проулок и прикинула, успеет ли она добежать до него, пока эти парни не вышли из машины.

— Мы уже часа два тут катаемся и все найти не можем этот долбаный дом. Может, вы знаете Петра Михайловича Терентьева? У него такой большой особняк, со львами у ворот. Говорят, его тут все местные знают.

— Я не местная, — сказала Катя. Голос ее дрожал, как и все тело.

— А, — сказал парень, и улыбка его погасла. — Ну ладно.

Катя как могла быстро обогнула машину сзади и перебежала дорогу.

— Кот, лови ее, она сейчас смотается! — крикнул кто-то.

— Никуда не денется, — раздался другой голос, спокойный, даже довольный. — Вонючая старушенция, да ты глянь, какая она тихиходка!

Катя добежала до проулка. Слева был особняк, похожий на каюту лайнера: высокий, белый, обитый чем-то типа пластика, настолько яркий, что в глазах рябило. Справа возвышался дом, построенный из серого камня, хотя наверняка это был декор. Дом напоминал замок: огромные арочные окна, высокие башни, герб на воротах с орлом и львом.

Катя бежала в переулке между высокими изгородями. Сзади доносился звук мотора. Черная машина преследовала ее.

Катя выскочила на другую дорогу, параллельную той, где

она только что шла. Напротив был лес, а между дорогой и лесом глубокий ров, на дне его бежал ручей. Катя выдохлась. Она чувствовала, что еще секунда, и она просто грохнется в обморок.

Машина остановилась в нескольких метрах позади. Хлопнула дверь.

– Бабуля, куда торопишься?

Этот голос, притворно успокаивающий, пугал. Только совершенно хладнокровный и безумный человек мог так приторно-ласково разговаривать с женщиной, которую преследовал.

У Кати закружилась голова. Она медленно опустилась на колени. Лыжная палка и дневник упали на дорогу.

Катя обернулась. К ней приближался тот мужчина, который грыз зубочистку, одетый в старые дырявые джинсы, черную рубашку и черные ботинки. Он что-то держал в руке, похоже на пистолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.